

Тросто Марго

Елена Скаммакка дель Мурго

Елена Скаммакка дель Мурго
Просто Марго

«ИП Астапов»

2016

Елена Скаммакка дель Мурго

Просто Марго / Елена Скаммакка дель Мурго — «ИП Астапов», 2016

ISBN 978-5-9907875-0-6

Роман «Просто Марго» – это трогательная семейная сага, охватывающая период со времен первой мировой войны и до середины 90-х годов прошлого века, рассказ о нелегкой и в тоже время счастливой судьбе главных героев: дворянке Александры Юдиной и простого понтийского грека Василия Савулиди и их детей сына Дмитрия и дочери Маргариты. История любви совсем юной Александры Юдиной, дочери курского помещика и белогвардейского полковника Александра Юдина, не побоявшейся трудностей жизни и связавшей свою судьбу с бедным, но очень способным и красивым понтийским парнем. Отказавшись в послереволюционные годы эмигрировать со своей семьей во Францию, девушка принимает смелое решение остаться навсегда с любимым в Советской России. К счастью ее надежды, возлагаемые на своего мужа, полностью, со временем, оправдаются. Василий выучится и станет заместителем директора крупного предприятия и видным партийным деятелем. Их подросшие дети сами выберут свой жизненный путь: Дмитрий станет художником, а Марго уедет в Москву учиться на актрису. Но увы ее мечтам не суждено будет сбыться. И свое женское счастье девушка тоже не скоро обретет. А почему? Обо всем этом Вы узнаете прочитав роман.

ISBN 978-5-9907875-0-6

© Елена Скаммакка дель
Мурго, 2016
© ИП Астапов, 2016

Содержание

Глава первая. Война	7
Москва. Середина семидесятых годов	7
Трапезунд. 8 апреля 1916 года	8
Курская губерния 1918–19 года прошлого столетия	16
Глава вторая. Батум	21
Гражданская война. Южный фронт	36
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Елена Скаммакка дель Мурго Просто Марго

© Елена Скаммакка дель Мурго, 2016

* * *

*«...Иногда лучший способ погубить человека – это предоставить ему самому выбирать судьбу, – начал Воланд, – вам предоставлялись широкие возможности, Маргарита Николаевна!..»
Михаил Булгаков «Мастер и Маргарита»*

Глава первая. Война

Москва. Середина семидесятых годов

Прекрасная копия картины Ивана Айвазовского «Трапезунд с моря» висела на самом видном месте в ее уютной гостиной. Небо со свинцово-серыми облаками, почти такого же цвета взволнованное море, в котором борется со штормом двухмачтовый корабль, а вдали – красивый вид на спускающиеся к морю террасы турецкого города Трапезунда, вот что так гениально было изображено на ней!

«Господи, Дмитрий, ты бы мог стать известным художником, и твоя жизнь могла бы пойти совсем по другому пути! А что, в конечном счете, получилось?! Даже вспоминать не хочется! Настолько мне горько и обидно за тебя, мой дорогой братишка! Да и за всех нас обидно, очень обидно!»

Маргарита Васильевна Савулиди-Крамская задумчиво сидела в своем удобном любимом кресле, в котором так хорошо думалось. Благородной, утонченной красавице бальзаковского возраста на мгновение показалось, что время начало свой отчет назад. Вспоминая свое и своих близких прошлое, особенно ярко вспомнились рассказы ее отца Вазилиса Савулиди о замечательном турецком городе Трапезунде, изображенном великим русским художником.

Трапезунд. 8 апреля 1916 года

– Русские, русские в городе! Мы спасены! – раздавались везде радостные возгласы понтийских греков и армян.

– О, слава Тебе, Всевышний! – вознося хвалу Господу Богу, поднимая свои старческие руки вверх, благодарила пожилая гречанка, одетая во все черное. – Хоть бы они как можно дольше оставались на нашей земле! Спасители наши! Русские уж точно не дадут туркам уничтожить нас!

– Говорят, что русский генерал Юденич, как только прибыл в город на миноносце, так сразу и отправился в наш православный собор, в котором митрополит Филиппидис совершил молебен об освобождении всех христиан от турецкого владычества!

– А какие они, эти русские? Хорошие? Добрые? – спросил кто-то громко из толпы.

– Откуда же нам знать?! Но думаю, что, все же, лучше турок будут! Все же, свои – православные! – также громко ответил кто-то, и при этих его словах толпа одобрительно загудела.

– Да, да, они православные, и это очень важно для нас! – причитала старуха-гречанка, не переставая перекрещиваться.

– А вот в русской царской армии, кроме солдат и офицеров, одетых как подобает военнам, есть какие-то странные, одетые в такие длинные до колен мундиры, а на головах у них шапки меховые. Это кто же такие будут? И не жарко им! – поинтересовался тучный грек, аккуратно раскалывая в руках фундук и аппетитно хрустя, отправляя один за другим кусок в свой ненасытный желудок.

– Я знаю, кто они такие! – со знанием дела ответил учитель местной гимназии. – Это такое специальное подразделение с юга России, казаки называются. Кубанская пластунская бригада под командованием полковника Ка-мян-ского, – с трудом выговаривая русскую фамилию, просветил всех присутствующих он.

– А русский генерал Ляхов такой интересный мужчина! – не скрывала своего восхищения молодая гречанка. – Высокий, стройный с красивыми темно-русыми бакенбардами, а с какой элегантностью он носит на голове свою белую лезгинскую черкеску! Просто влюбиться можно!

Горячо обсудив русских военных на центральной площади города, толпа постепенно рассеялась и каждый из них, наконец, вспомнив, что у него были и другие дела, разошлись кто куда.

Древний город восточной Турции Трапезунд, обнесенный старинной византийской крепостной стеной, располагался между двух ущелий в устье реки Мучки на берегу тихой морской гавани, окруженный со всех сторон плантациями табака и чая, он казался с моря очень красивым, но приблизившись к нему, картина оказывалась совсем другой: грязные, узкие улицы, сточные каналы, переполненные нечистотами, из которых доносились тяжелые запахи, не располагали к долгому пребыванию в нем: нищие и калеки, просящие милостыню, сидели тут и там на мощеных мостовых, бродившие по городу многочисленные русские солдаты и офицеры в надежде найти себе достойное развлечение, сновали турки и турчанки в чадрах, греки, армяне и католические монахи-капуцины.

Благодаря красивой природе и отменному климату, характер у местного многонационального населения был в основе своей приветливым, положительным и веселым. Жители Трапезунда – большие любители наслаждений и трапез. Женщины этого города, среди которых было немало абхазок, грузинок и черкесок, слыли настоящими красавицами, которых

нередко похищали турки в свои гаремы. Мужское же население славилось разными ремеслами, а особенно, ювелирным.

Но история этого города вовсе не веселая. Турецкий гнет коренного населения – греков, которые и основали этот город много веков тому назад, и геноцид армян лег навсегда темным мрачным пятном глубокой грусти в души всех трапезундцев. Некоторые греки, чтобы выжить и спасти свои семьи от уничтожения, предавали самое святое, что есть у человека, – свою кровную веру и переходили в ислам. Тогда у них оставалась, хоть и небольшая, надежда не быть убитыми. А самое страшное, что грекам и армянам помощи ждать было неоткуда. Греция далеко, да и она сама нуждается в помощи. Поэтому победа русской армии на Турецком фронте и взятие Трапезунда стало на самом деле для местного населения неожиданной удачей!

Шестнадцатилетний понтийский юноша Вазилис Савулиди шел между прилавками знаменитого трапезундского рынка, наслаждаясь запахом и видом спелых синопских яблок, трапезундской хурмы и множеством других овощей и фруктов, которыми так богат местный край. Потом он свернул на рыбный ряд, с прилавков которого на него закаменевшими глазами смотрели морской окунь, кефаль и хамса.

– Куплю немного хамсы и лука, – решил он, – а тетя из нее сготовит нам целых два блюда: и похлебку из хамсы, и пирог яхни с хамсой.

Вазилис был сиротой, его родителей убили турки, и воспитывала его сестра отца, Мелита. Пережив эту ужасную трагедию своей жизни еще в совсем юном возрасте, он твердо решил уехать из Турции. Но тетя очень любила его и ни в какую не желала его отпускать, а сейчас, с приходом русских, он очень надеялся переубедить Мелиту и навсегда уехать из Трапезунда в соседнюю Аджарию.

Смышленный юноша понял, что пока в городе русские, надо воспользоваться этим и научиться немного говорить по-русски, к тому же аджарский и грузинский он знал с детства, играя во дворе с детьми представителей этих национальностей.

После рынка Вазилис решил пройтись по книжным лавкам города, чтобы приобрести, если еще и повезет, учебник русского языка. Обойдя несколько точек безуспешно, он вдруг вспомнил, что в книжной лавке одного армянина недалеко от центра города, он как-то видел большой выбор словарей и учебников иностранных языков.

Но когда юноша пришел в магазин, то хозяин, пробежав по полкам глазами, сказал, что многие языки есть, а вот русского-то как раз и не хватает.

– Посмотрите, пожалуйста, еще раз хорошенько! Может, где и завалялся? Мне очень надо! – попросил его Вазилис.

Тогда маленький и толстенький армянин, приставив лестницу, полез на самую верхнюю полку своего магазина и через минуту извлек оттуда на радость покупателя запыленный самоучитель русского языка.

– Давай, парень, бери его, не надо мне денег! – отстранил руку юноши с монетами продавец. – Все равно он никому был не нужен много лет. Учись на здоровье!

Вазилис весь сиял от счастья, что приобрел нужный ему учебник, да еще и несколько куруш сэкономил. Горячо поблагодарив хозяина книжной лавки, он направился в сторону дома.

А в это время во дворе его тетка Мелита разговаривала с соседкой.

– Твой племянник, дорогая соседка, стал таким красивым юношей! Просто греческий Бог! Только мне очень жаль нашу молодежь, какое будущее ждет их здесь?!

– Да, соседка, ты права – соглашается с ней Мелита. – У молодежи нет будущего в Трапезунде! Турки нам достойной жизни никогда не дадут!

– Да, да, дорогая, ты права! Ох, пусть бы русские навсегда здесь остались, как думаешь, это возможно??

– Не думаю. Мой муж Янис, говорит, что Турция не отдаст Понт русским, будет сражаться за него до последней капли крови. А ты слышала, что говорят в городе?

– Грекоговорящие мусульмане обратились к митрополиту Хрисанфу с просьбой организовать их возвращение в христианскую веру! Представляешь, какие ироды! Только турки отошли, а они сразу стали приспосабливаться, дескать, мы свои, православные! Христа на них нет!

– Верно! Хотя и их можно понять: ведь всеми нами движет жуткий страх быть уничтоженными. Вот и приходится идти на сделку со своей совестью. Но все равно, будем надеяться, что митрополит не пойдет на это! Уж слишком это несправедливо! – возмущенно сказала соседка.

– Да и сами турки, я слышала, те, что из богатеньких, боясь за свое добро, когда к ним в дома приходят русские господа офицеры, спешно достают откуда-то семейные иконы и с пеной во рту уверяют их, что они тоже христиане.

– Вот паразиты! Послушай, соседка, что тебе предложить: будешь айран или лучше чая хорошего заварить? – Мелита любила своих соседей и всегда была рада им угодить.

– Давай лучше чая выпьем, дорогая, – ответила та.

Мелита Савулиди принесла из дома два чайника, как полагается в Турции. Когда закипела вода в большем из них, в другой она насыпала несколько ложек сухого чая и налила кипятком из другого чайника. Немного подождала и разлила душистый горячий напиток в маленькие турецкие чашечки.

– А еще мой муж Янис говорит, что турецкие генералы Эмвер и Талаат приказали уничтожить все греческое население Понта: всех мужчин от 16 до 60 лет, а женщин и детей изгнать подальше вглубь Анатолии. И что самое ужасное, они уже начали осуществлять этот свой дьявольский план в областях Самсуна и Пафры!

Вот я тебе еще раз и говорю, подруга, что Господь нам послал этих русских, а то мы бы сейчас с тобой здесь так мило не беседовали, попивая неспеша ароматный чай.

– О да, о да! Да будет благословенен русский царь Николай! – вознесла к небу руки соседка. – Но, все же, лучше отсюда бежать, – уже тихим голосом добавила она.

– Именно поэтому мой племянник Вазилис решил учить русский язык. Вдолбил себе в голову, что должен уехать в Батум! Кто знает, может это и вправду самый лучший вариант?! А вот и он! Здравствуй, милый! Как ты? Устал? Есть хочешь?

Во двор вошел Вазилис, и вправду усталый, но очень довольный собой. В одной руке он нес завернутую в бумагу рыбу, а в другой бережно держал, как какую-нибудь невиданную ценность, учебник русского языка.

– Да, тетя, я довольно голоден. Вот, возьмите, я принес вам хамсу и лук, приготовьте всем нам вкусный обед!

– Ой, какой ты молодец! Наверное, задорого на рынке взял?

– Да нет, не очень, мне сегодня хоть и немного, но, наконец, заплатили, на хамсу и лук хватило!

– Спасибо тебе, милый! Какого хорошего мальчика воспитали мой брат и сноха! – Мелита к нему подняла глаза. – Ну, иди, дорогой, отдохни, я тебя позову к обеду.

Вазилис пошел в свою крохотную комнату, лег на кровать и, вытянув удобно ноги, которые гудели после многочасовой работы на чайной плантации, взял в руки учебник и начал старательно произносить некоторые русские слова:

– Дом, кровать. Идти, звонить, отдавать, прятать. Кушать...

– Сложный язык, ну ничего, я выучу его! – рассуждал сам с собой юноша. – Потому что я тут не останусь! Ничто меня не заставит здесь больше жить! Проклятые турки зверски убили моих родителей, моих друзей и родственников! Только тетя Мелита с мужем, да и остались чудом в живых. Надо держаться за русских, как можно больше находиться рядом с ними, подружиться с ними, и если они в один день соберутся отсюда уходить, сделать все, чтобы уехать с ними! – с этой мыслью он и заснул крепко. А через какое-то время из двора его дома раздался громкий басистый голос его друга Лукаса.

– Вазилис! Вазилис, ты дома?!

– Ну чего тебе, бездельник! – строго спросила его тетка Мелита, недолголюбивавшая Лукаса за то, что тот нигде на работе подолгу не задерживался, а жил на деньги своих родителей, у которых, кроме него, были еще и другие дети. – Племянник только что с работы пришел, лег отдохнуть, а ты кричишь тут!

– Да не ругайтесь, уважаемая тетя Мелита! Зная, что моего друга так интересуют русские, хотел сообщить ему, что в город приехали русские ученые-археологи.

– Ученые?! А что им у нас надо?

– Да откуда мне знать? Наверное, ищут какие-то старинные ценности.

– Ну, все равно, заходи позже или лучше – завтра, пусть он отдохнет! Ты же знаешь, у него тяжелая работа!

– Хорошо тетя Мелита, только обязательно передайте эту новость Вазилису!

– Не беспокойся, Лукас! Передам!

Заспанный Вазилис, так и заснул с учебником в руке, проспав больше, чем предполагал, наконец, вышел из своей комнаты пообедать.

– К тебе, сынок, – так иногда его называла родная тетя, – друг твой непутевый приходил в гости.

– Лукас? А он что хотел, тетя?

– Да, говорит, что русские ученые-археологи приехали к нам. Они остановились в самой лучшей гостинице города в Галанте!

– Так это же очень интересно! Завтра у меня выходной, и я обязательно пойду посмотреть на их работу!

– Конечно, сходи! Наука – это дело хорошее. Потом мне все расскажешь, хоть я женщина необразованная, но, все же, мне интересно, что привело их к нам из далекой России.

– Не сомневайтесь, тетя, я все вам расскажу в подробностях, а вы хоть у меня и не ученая, но очень сообразительная и умная женщина, и я вас очень-преочень люблю! – он крепко прижался к Мелите и звонко чмокнул ее в пухлую щеку.

Экспедицию русский ученых, прибывших на миноносце в Трапезунд в составе Бакланова, Крымского и Протасова, под руководством академика Успенского, в основном, интересовали православные храмы Богородицы Златоглавой, Святой Софии и Святой Евгении, переделанные, к сожалению, в мечети. В их подвалах ученые искали старинные греческие книги, рукописи и иконы. Они старательно и аккуратно расчищали стены храмов, где под слоем штукатурки обнаружили уникальные старинные фрески. Но, увы, много ценного, с точки зрения науки, было просто разграблено из этих храмов. И после нескольких месяцев тщательных поисков, ученые пришли к неутешительному выводу, что уже, наверное, им не найти ничего более того, что они уже нашли. Хотя и ходили упорные слухи, что все же им удалось найти в одной из башен древней цитадели ценный тайник, но сами археологи прилюдно отрицали этот факт, наверное, в целях безопасности, настойчиво заверяя, что, кроме нескольких фресок древне-византийского периода, им так ничего и не удалось обнаружить. Многие местные жители на добровольных началах и особенно местная молодежь помогали русской экспедиции в этих поисках, среди которых были Вазилис и его друг Лукас.

– Нет, наука, археология – это, конечно, очень интересно, но в данный момент нам с тобой, приятель, лучше дружить с русскими военными. Бежать будет все равно надежнее с ними! – рассудил по-деловому Вазилис.

– Не знаю, брат, я еще не решил, хочу ли я покинуть навсегда мой любимый Трапезунд! У меня, как ты знаешь, турки тоже много родственников порубили, но семья моя еще, слава Богу, жива: и братья, и сестры мои, и родители – все тут, как я их брошу?! А ты, давай, беги в Аджарию! Ты один остался на всем этом свете, и твое решение я полностью одобряю. Ты все правильно решил. Для нас, греков, жизнь здесь всегда будет тяжела и опасна! – Лукас по-дружески похлопал Вазилиса по плечу.

– Послушай, а правда, что создаются партизанские отряды понтийских греков, которые будут бороться за создание независимого греческого государства? Ты что об этом знаешь? – спросил его Савулиди. Хотя он для себя уже и решил уехать, но судьба его родного края была ему вовсе не безразлична, очень волновала и интересовала его.

– Эти отряды уже существуют. Мой отец, дядя и старший брат уже записались в них. Вот-вот, говорят, создадут временное правительство под руководством митрополита Хрисанфа Филиппидиса. Тогда, брат, заживем хорошо и свободно, а главное, без страха за свои жизни и жизни своих близких.

– Дай-то Бог, чтобы все было, как ты говоришь! Мы, понтийские греки, измученные столетним турецким гнетом, сполна заслуживаем свободы и независимости! Какие отважные твои родственники, Лукас! Я восхищаюсь ими! И разделяю их идею независимости Понта. Ты можешь меня, друг, справедливо уличить в трусости и малодушии, но только я не пойду в партизаны. Не хочу рисковать своей жизнью даже ради моей любимой Родины, потому что я твердо решил, что мое будущее – в другой стране. Ты меня осуждаешь, Лукас?

– Да что ты, как бы я посмел тебя осудить, после того, как на твоих глазах еще маленького мальчика, зверски убили твою мать, сестру и отца! Единственное, это то, что мне тебя будет очень не хватать, брат! – И они тепло, по-дружески обнялись.

Прошел год, русские еще оставались в Трапезунде, своим чередом шла повседневная жизнь и ходили упорные слухи, что русский царь Николай Второй намеревается Понт и еще другие турецкие территории, в которых победили русские войска, то есть всю практически Карскую область, присоединить к своей империи. Кто-то из местных жителей этому радовался, а кто-то все же хотел оставаться в Турции. Город был переполнен русскими офицерами, нуворишами, разбогатевшими так внезапно на спекуляциях и распродаже русского военного имущества; и вообще, все чего-то перепродавали, обменивали, в общем, делали деньги, кто, на чем мог. Вся эта ситуация в городе, в котором, к тому же, было введено военное положение, очень походила на пир во время чумы.

Вазилис Савулиди, не теряя весь этот год времени даром, уже прилично подучив русский язык, бегло изъяснялся на нем, хотя и с сильным греческим акцентом, особо не обращая внимания на свои многочисленные грамматические ошибки. Русские его понимали, и этого ему было пока достаточно.

Он подружился с одним веселым молодым казачком Павлом Егоровым и вместе с ним отлично проводил время в дни увольнения того.

В Трапезунде понтийские греки, как и в России, очень любили пить чай. Это сближало две нации, и русские во время своего пребывания там решили приучить местное население пить его не из турецких маленьких чайничков, а из настоящих русских самоваров. Один такой самовар подарили Вазилису его русские друзья. Однажды он принес его домой своей тетке Мелите, которая долго и молча смотрела на этот для нее необычный предмет и никак

не могла понять, что с ним надо делать! Это сцена очень позабавила ее племянника и он, смеясь, принялся объяснять Мелите, как в самоваре надо кипятить воду и заваривать чай.

– Послушай Вазилис, а мне понравился этот русский чайник! – так прозвала самовар Мелита (наверное, ей было не по силе произнести это слово). – Он удобен и на вид красивый, не стыдно на стол поставить перед гостями! Скажи русским спасибо от меня за такой полезный подарок!

– Непременно, тетя, я передам им вашу благодарность!

– А куда ты сейчас собрался, сынок? – удивленно спросила она, видя, что юноша тщательно причесывается и надел свою выходную белую рубашку.

– Да так, тетя, хотим прогуляться по городу с Лукасом. Ты же не против?

– Идите, идите, дело молодое, – понимающе улыбаясь, разрешила ему Мелита. – Только поздно не приходи и, смотри, не опоздай к комендантскому часу, а то патруль тебя заберет!

– Я не опоздаю, не волнуйся за меня, тетя, я уже взрослый мальчик и прекрасно все понимаю.

В одном из домов Трапезунда – в здании местного госпиталя – расположились русский Красный Крест под руководством профессора Широкогорова, Земской Союз и другие благотворительные ведомства. Молодые армяне и греки как-бы случайно, а на самом деле специально частенько прогуливались мимо этого здания, с одной лишь единственной целью – полюбоваться, а, может, даже если и повезет, заговорить с такими привлекательными русскими сестрами милосердия.

«Белые голуби», как еще называли этих отважных девушек и женщин, мужественно решивших поехать на фронт ухаживать за ранеными солдатами и офицерами, носили холщевое платье коричневого цвета с большим нагрудным знаком Красного Креста с белым фартуком и повязкой на левой руке с таким же знаком, а их прекрасные головки и красивые волосы закрывала большая белая косынка, прикрывающая даже плечи, застегнутая большой брошью со знаком того же Красного Креста. Местные жители судачили, что среди них есть и настоящие русские аристократки, княгини да графини, которые, несмотря на свое благородное происхождение, не гнушались самых тяжелых и низменных работ в госпитале.

В тот вечер, принарядившись, Лукас и Вазилис собрались идти именно туда, к зданию русского Красного Креста.

– Лукас, я вижу блеск в твоих глазах и вообще ты очень возбужден; что происходит, брат, неужто ты влюбился в какую-нибудь русскую сестричку? – подтрунивал над ним Вазилис, пока они двигались в сторону госпиталя.

– Лучше не спрашивай меня, Вазилис! По-моему, я попал – я влюбился! Уж такая она светлая, нежная эта Ольга, просто ангел во плоти! Я таких девушек вообще никогда не видел в своей жизни, не думал, что они вообще существуют. К тому же, я должен признаться тебе, брат, что и я долгими ночами под свет керосиновой лампы пытаюсь выучить несколько нужных фраз по-русски, чтобы хотя бы немного поговорить с ней!

– И ты скрывал от меня это?! От твоего лучшего друга?! – сделал вид, что обижается на него, Савулиди.

– Скрывал, потому что прекрасно понимаю, что мне особенно рассчитывать на взаимность с ее стороны не приходится. Я обыкновенный, ничем не выделяющийся из толпы грек. Это ты у нас красавчик, которому стоит только бровью повести, и все женщины у его ног! – грустно ответил Лукас, комплексуя перед внешними данными приятеля.

– Да причем тут красота! На мой взгляд, мужчина не должен быть красивым, а должен иметь мужскую силу и обаяние. А эти качества у тебя есть! Вот увидишь, что и ты ей понра-

вишься. Только не робей! – подбадривал его друг. Вазилису тоже очень нравились русские девушки, он замечал на себе их восхищенные женские взгляды, но не хотел принципиально ни с кем из них знакомиться и уж точно сблизиться, все по той же причине: он решил, что женится только в Батуме, в городе, с которым он связывал свое светлое будущее.

Сестра милосердия Ольга и вправду была ангельски хороша собой.

Небесно-голубые глаза, белоснежная кожа, маленький, немного вздернутый кверху носик и такие прекрасные, густые светло-русые волосы, непослушно выбивающиеся из-под белой косынки Красного Креста: без сомнений, эта русская красавица не могла оставить равнодушным сердце греческого юноши, и при появлении ее Лукас впадал в ступор.

Когда она ненадолго выходила из здания госпиталя пообщаться с ним, Вазилису приходилось давать приятелю сзади незаметно сильного пинка, чтобы тот вышел из оцепенения и начал разговаривать с девушкой.

«Как я рад за Лукаса! – искренне порадовался за друга Вазилис. – Ведь это его первая юношеская любовь! Даже если она и не продлится долго, то у него на всю жизнь останутся прекрасные воспоминания об этом времени. Я тоже найду себе хорошую девушку в Батуме и женюсь на ней. Создам с ней крепкую семью, такую, которая была, увы, хоть и недолго, у моих родителей. И сына назову в честь отца, а если родится дочь, то имя ей пусть выбирает жена!» – Савулиди шел быстрым шагом, возвращаясь домой, потому что время неумолимо близилось к комендантскому часу.

Октябрьская революция в России 1917 года одним разом жестоко перечеркнула все надежды на мирное время жителей Понта. Моральный дух в русской армии, находившейся в Трапезунде, резко упал, многие солдаты стали отказываться воевать за царя и за старый режим. Офицеры, понимая все сложность и даже трагичность ситуации, пытались исправить положение в рядах армии, но, увы, у них это плохо получалось.

И тогда было принято решение постепенно выводить русские войска из восточной Турции и, в частности, из Трапезунда. Позже, в 1918 году, Ленин подпишет Брест-Литовский мирный договор, по которому вся Карская область перейдет Турции.

Турки, которые три года терпели от русской армии жесточайшие поражения, восприняли русскую революцию как свой единственный шанс на победу и начали жёсткое наступление. Греческие партизанские отряды уходили в горы, скрываясь в глубоких ущельях вместе со своими семьями, бесстрашно, как могли, сопротивляясь туркам.

Наступление турецкой армии сопровождалось жуткой резней: тысячи русских военных были расстреляны и сожжены заживо, армян подвергали неопишваемым пыткам, понтийских девушек и женщин насиловали, а также их вместе с детьми выселяли из своих домов, не разрешая ничего взять с собой, выстраивали в колонны и под конвоем пешком гнали вглубь страны. Многие не доходили, умирали в пути от истощения, многих просто убивали.

В начале зимы 1918 года все русские войска покинули территорию Трапезунда. Перед самым окончательным уходом глубокой ночью казак Павел Егоров постучал в окно дома Вазилиса.

– Вася, друг, – на русский манер позвал шепотом его он. – Давай, бери все необходимое и бежим. Через час отплываем отсюда в Батум. Времени в обрез, поторопись!

Заспанный Вазилис стал нервно собирать свой небольшой чемодан, кладя все, что попадалось ему под руку.

– Документы не забыл? – заботливо спросил его казак.

– Нет, не забыл. Я готов, Павел. Только еще одну минуту, я должен попрощаться с тетей и дядей.

– Хорошо, давай я тебя во дворе подожду, только скажи им, чтобы громко не говорили, не привлекали внимания.

– Тетя Мелита, дядя Янис, – зашел в их комнату Вазилис. – Просыпайтесь! Я уезжаю!

– Ой, Боже, как? Уже? Так внезапно? – проснувшись, запричитала Мелита, и из ее глаз потекли ручьями горькие слезы расставания.

– Давай, сынок, счастливо тебе, пусть твое будущее будет благополучным и радостным! – напутствовал его дядя Янис, тоже еле сдерживая свое волнение. – Пусть удача тебя не покидает! Только прошу тебя, никогда не забывай, откуда ты родом! Молись за нас всех, понтийских греков, за народ, чья судьба столь неудачлива и трагична. И мы будем всегда помнить о тебе и молиться за тебя, наш дорогой мальчик!

Все трое содрогались от плача, соприкасаясь наклоненными головами и обхватив крепко друг друга за плечи. Казалось, что ничто на свете не сможет их разъединить, но настойчивый голос казака Егорова, приказавший: «Пора, давай, прощайся», – заставил их примириться с реальностью и отпустить из своих объятий самое дорогое, что было у них в жизни – их племянника Вазилиса.

Два пожилых человека еще долго махали ему вслед, горько сознавая, что, скорее всего, они больше с ним никогда не встретятся!

Курская губерния 1918–19 года прошлого столетия

«Большевиков ненавидели. Но не ненавистью в упор, когда ненавидящий хочет идти драться и убивать, а ненавистью трусливой, шипящей... Ненавидели все – купцы, банкиры, промышленники, адвокаты, актеры, домовладельцы, кокетки, члены государственного совета, инженеры, врачи и писатели...»

Михаил Булгаков «Белая гвардия»

Установившаяся в курской губернии после февральской революции советская власть не щадила никого в этой южной части территории России.

Столица губернии – старинный город Курск, некогда входивший в великое княжество Литовское, расположившийся на среднерусской возвышенности, родина праведника Серафима Саровского, курских соловьев и таких вкусных наливных курских яблок, жестко контролировался новой властью. Все слои местного общества, кроме, пожалуй, беднейших крестьян и рабочих многочисленных фабрик и заводов, находящихся в этой губернии, днем и ночью пребывали в постоянном страхе быть арестованными или расстрелянными как враги советской власти и трудового народа. Красный террор и раскулачивание, а иными словами, отнятие силой чужого имущества действовали на всей этой территории. Последний полтавский и курский губернатор – эстляндский немец Александр Карлович Багговут, сделавший свою карьеру благодаря своей сестре Елизавете Карловне, даме близкой к императрице Александре Федоровне, поспешно бежал, покинув Курск в неизвестном направлении. Позже ходили странные слухи о нем: якобы бывший губернатор в 1918 году записался в Красную армию, в то время как его родной брат генерал-лейтенант Иван Карлович Багговут сражался в Донской армии и в ВСЮРе до последнего, впоследствии эмигрировав во Францию, в Канны.

Курским помещикам и дворянам от новой власти досталось больше всего: их беспощадно истребляли и обворовывали. Великолепные старинные усадьбы дворян Анненковых, Барятинских, Ржевских и Малеевых были разграблены, а их хозяева пустились в бег. Но местные верхи общества не сидели сложа руки и не ждали, когда красные отберут у них все, а их самих поубивают. Они организовали заговор против власти большевиков, во главе которого стоял полковник Кругликов, но, увы, он был довольно быстро раскрыт, и всех заговорщиков: самого полковника Кругликова, губернского исправника Пожидаева, предводителя курского дворянства Афросимова – расстреляли.

Весной 1918 года курская губерния была оккупирована германскими войсками и вошла в состав Украинской державы, но ненадолго, потому как в сентябре 1919 года город занял главнокомандующий вооруженными силами юга России генерал Антон Иванович Деникин.

Ликовала местная знать, ведь первое с чего начали белые в этом городе, это стали возвращать все то, что у них отняли красные. По случаю оккупации Курска Белой гвардией был организован парад, который принимал новый губернатор города генерал-лейтенант Май-Майский. С огромным носом-сливой, с красным лицом и маленькими мышьиными глазками, без бороды и усов на лице, чрезмерно страдавший от своей тучности генерал постоянно вытирал свою толстую шею носовым платком, и не было для него большего испытания, чем молебны и парады. После предполагаемого взятия Москвы этого отважного, с большим опытом и знаниями военного дела полководца Деникин прочил на пост военно-морского министра. Но, увы, при всех его достоинствах, у Май-Майского был большой недостаток – генерал очень любил выпить и начинал это делать уже прямо с утра. Именно за это его позже снимут с командования, и он умрет, всеми забытый, в Крыму в 1920 году.

Множество курян подтягивалось из Стрелецкой, Ямской и Пушкарской слобод к центру города, а площади и Кафедрального собору посмотреть, как гордо и четко вышагивает добровольческая армия Деникина: казаки, белогвардейские офицеры, представители буржуазии и помещики. Но, к сожалению, без нового террора опять не обошлось. На этот раз уже белые безжалостно расстреливали местных коммунистов, советских рабочих и даже просто подозреваемых в сотрудничестве с советской властью. Но и эта власть продержалась недолго в городе. Под натиском упорно наступающей Красной армии и повстанческой армии Нестера Махно генерал Деникин был вынужден осенью 1919 года начать отступление своих войск из Курска в Крым.

Дворянин Александр Иванович Юдин, местный помещик и владелец небольшого по местным меркам сахарозавода в Курске, как только произошла революция в Петрограде, решил для себя, что просто обязан воевать против советской власти и с началом гражданской войны вступил в армию Антона Деникина. Возвратившись в свой родной город с Белой гвардией в сентябре 1919 года, он был более чем уверен, принимая во внимание все последние ее победы, что победа им почти гарантирована. Но уже к зиме ситуация сильно изменилась и уверенность в полной победе Деникина рассеялась как несбыточный сон.

Александр Иванович, человек мудрый и трезво оценивающий общую ситуацию на его Родине, еще до своего отбытия на фронт распустил всех рабочих и закрыл свой сахарный завод, а крестьян из своего поместья почти всех освободил, оставив лишь несколько человек в помощь жене и дочерям. Действуя таким образом, он наивно полагал, что сможет спасти от погромов и грабежа свое имение и своих близких. Дескать, хороший я фабрикант и помещик, никого не мучаю и не эксплуатирую. Такие поспешные его действия снискали немалую критику со стороны его супруги Валентины Сергеевны. Жена фабриканта очень волновалась за будущее своих дочерей, к тому же фабрика и поместье должны были стать приданым для их девочек.

– Не рано ли ты, Саша, решил расстаться со своим имуществом? Столько лет создавали все это, а теперь, что же, все отдать новой власти? Так, за здорово живешь? А дочкам твоим в наследство что оставишь? Может, все же ты поторопился, Александр Иванович, может, все и обошлось бы?

Юдин не переносил, когда женщины влезали со своими советами в мужские дела. И для того, чтобы его жена раз и навсегда поняла, что на самом деле происходит в стране, довольно резко ей ответил:

– Да что ты такое говоришь, ангел мой, Валентина Сергеевна, раскрой глаза и посмотри, что вокруг-то делается! В Дерюгине, в поместье Великого князя Михаила Александровича, разграблено все, что можно! А сахарные заводы Харитоненко и Терещенко национализировали! Сами-то они уже за границей! Хотя Михаила Терещенко сначала арестовали прямо в Зимнем дворце и поместили в Петропавловскую крепость, но благодаря значительному залогу его жены-француженки, его оттуда выпустили и после этого они сразу всей семьей эмигрировали. Нет другого пути, к сожалению, душа моя, как только прикинуться малоимущими и эмигрировать! – с грустью в голосе подытожил Александр Иванович.

– Какой кошмар! Это как же, Сашенька, мы должны уехать навсегда из России?? – Валентина Юдина все же надеялась, что муж в последний момент откажется от этой идеи.

– Да, Валюша, придется! К тому же, поведение этой новой власти мне и вовсе непонятно! Понимаю, что они хотят властвовать вместо помещиков и дворян. Отнимают землю у нас, но вовсе не для того, чтобы работать на ней! Им, как оказалось, просто нравится грабить! И знаешь, кто верховодит этим разгулом бандитизма? Советские вооруженные солдаты-фронтовики! Целыми деревнями, вооруженные кто ружьями, а кто и наганями, и вин-

товками, они идут грабить и убивать помещиков! Рушат все: инвентарь, всю обстановку в доме, сами же усадьбы разбирают порой по кирпичикам! А скот берут и угоняют, а потом его не кормят и вовсе о нем забывают! Эх! – в отчаянии покачал головой Юдин.

– С другой стороны, это и неудивительно: ведь лозунг у этих извергов какой: бери, ломай и жги! Так что, жена моя дорогая, собирайся как можно быстрее. Драгоценности зашей себе и девочкам в корсеты. Пригодятся, я думаю, они вам очень за границей! Хотя ты в курсе, что я давно разместил значительный капитал в иностранные банки, в частности, во Франции, в Ницце. Будь покойна – на первое время вам хватит с лихвой. А там посмотрим. Имя моего доверенного лица и название банка я тебе позже дам. – Александр Иванович стоял перед своим секретером и бегло просматривал на нем свои бумаги и документы, раскладывая их по отдельным папкам. Все самые важные документы он отдаст своей жене, а остальное сожжет, чтобы никому не достались. Жаль, конечно, семейные реликвии, старинные часы, картины, гобелены, любимый диван в кабинете, на котором он частенько просматривал свежие газеты, но ничего не поделаешь – война есть война, поэтому все материальное – не главное, а важно вовремя спастись от верной гибели.

– Мне в штабе по секрету сказали, – продолжал он, – что будем вынуждены скоро отступить в Крым. Так что если ситуация сложится не в нашу пользу, то и я буду вынужден бежать, сяду на корабль и к вам доберусь. А если наоборот получится, то ты с девочками сюда вернетесь вскоре! – при этих его словах, в которых, несмотря на ободряющий тон, не чувствовалось ни капли уверенности ни в их будущем, ни в будущем вообще страны, уже и без того очень взволнованная всей этой ситуацией Валентина Сергеевна вдруг не сдержалась и расплакалась, ведь на ее хрупкие женские плечи ложился неподъемный груз ответственности за судьбы их дочерей в чужой стране.

– Не плачь, душа моя! – утешал Валентину муж. – Посмотри-ка мне в глаза, ну что ты так разволновалась! – подбадривал, как мог, ее Юдин, утирая ей слезы. – У тебя совсем нет повода для такого волнения! Ведь я обязательно к вам приеду! И деньги на жизнь у вас, слава Богу, имеются!

– Ну, так если ты думаешь, что вам придется отступить в Крым, не можем ли и мы с вами вместе туда отправиться?! – еще раз попыталась упрямить мужа не уезжать Валентина.

– Дорогая, к сожалению, это невозможно. Я теперь человек военный и должен подчиняться приказам. Одно могу тебе сказать, что и сам Антон Иванович не исключает своего бегства из России, но только, конечно, в самом экстремальном случае.

– Хорошо, Саша, я все поняла: мы должны с девочками идти и собирать вещи. – Юдина не стала больше перечить мужу и питать себя пустыми надеждами, направилась к двери отдавать все необходимые распоряжения прислуги по поводу отъезда, но вдруг резко остановилась и, обернувшись на мужа, спросила:

– А куда, собственно, мы должны ехать??

– Ах, ну да, прости меня, ангел мой, моя голова просто раскалывается от всего того, что я должен сделать буквально за несколько дней, вот я и позабыл уточнить. – Вам надо направляться в Батум.

– Куда?? Это что, в Грузию?! Да там же одни мусульмане живут! Разве там я смогу быть спокойной за наших дочерей! Нет, это невозможно, я не поеду туда! – решительно возразила она.

– Да все совсем не так, как ты себе представляешь, Валентина Сергеевна! Во-первых, в этом месте живет много православных грузин, и они довольно цивилизованные люди, а во-вторых, и это самое главное, Батум сейчас находится под британской оккупацией. Я уверяю тебя, что именно там вы с девочками будете в полной безопасности. Я передам через вас рекомендательное письмо от имени Антона Ивановича для английского генерала, и тот

устроит вас в лучшем виде. Но если вдруг так случится, что англичане начнут уходить из Батума, все может произойти: война есть война, то вы, пожалуйста, уезжайте немедленно с ними! Сначала доберитесь до Константинополя, а потом поезжайте во Францию, в Ниццу. Даст Бог, там мы с вами вскоре и встретимся!

– Хорошо, дорогой, я сделаю все, что ты мне говоришь! Я твоя жена и должна полностью доверять и верить тебе, – немного успокоившись, сказала Валентина Сергеевна. Тот факт, что в этом далеком незнакомом южном городе находятся англичане, вселял в нее некую уверенность. Все же они не будут в городе совсем одни среди аджарцев и грузин.

– Ты должна понимать, дорогая моя, – продолжал убеждать жену Юдин, хотя по ее глазам он уже понял, что в этом нет большой необходимости, – вся страна охвачена гражданской войной, красные перешли в наступление и не исключено, что скоро будут здесь. А тогда пощады от них не жди. И в первую очередь они перережут всех дворян, помещиков и промышленников. Батум, пожалуй, одно из самых надежных на сегодняшний день мест. Мой человек поможет вам добраться через Ростов-на-Дону до Новороссийска, а оттуда паромом приплывете в Батум.

Через три дня сборы в дальнюю дорогу были завершены, и на пороге родовой усадьбы члены семьи Юдиных прощались друг с другом, не стыдясь своих слез. Дочки Александра Ивановича, Александра и Ксения, так любившие своего родителя, не хотели никак с ним расставаться, и ему пришлось почти силой оторвать их от своей могучей груди.

– Папенька, папенька, обещайте нам клятвенно, что скоро приедете к нам, что не бросите нас! – наперебой вырывали обещание у отца Ксения и Александра.

– Ну конечно, мои дорогие доченьки, мы все очень скоро увидимся в Ницце. Ведь правда, вам Ницца очень нравится?! Своими модными салонами и магазинами! – хотел как можно больше отвлечь их от грустной действительности Юдин.

– Ты их всегда слишком балуешь, Саша! – упрекнула Юдина жена.

– А кого же мне еще баловать? Ведь я живу ради вас, мои дорогие! Ты только, жена, первое время прошу деньгами особенно не разбрасывайся; вам, конечно, того, что я дам, должно хватить, но основные капиталы, все же, у нас в банке во Франции. А вот когда мы все соберемся в Ницце, тогда и заживем на широкую ногу, как мы и привыкли, правда, мои маленькие, которые, к сожалению, уже совсем и не маленькие! – крепко обнял сначала одну дочь, а потом и другую Александр Иванович.

– Да! – воодушевленно хором ответили юные барышни.

– Я все поняла, Александр, не беспокойся, деньги попусту тратить не будем. А тебя, в свою очередь, я просто умоляю – береги себя, под пули не подставляйся и при первой же возможности приезжай к нам! Ведь если что с тобой случится плохого, я этого не вынесу, не переживу!

– Э, нет, жена! Ты мне это брось! У тебя уже есть огромный стимул в жизни – это наши дочери, и вообще ни о чем таком плохом не смей даже и думать!

С этим строгим напутствием, еще раз крепко всех расцеловав, Юдину, наконец-то, удалось распрощаться со своими близкими, усадив их в экипаж, направляющийся на железнодорожный вокзал.

Вернувшись в просторный дом своей родовой усадьбы, в котором как будто еще были слышны заливающийся смех его маленьких дочерей и строгий, но ласковый голос его обожаемой и любимой жены Валентины Сергеевны, призывающий девочек не баловаться, курский помещик Александр Иванович Юдин подошел к столику с крепкими напитками, налил себе полный стакан водки и разом опрокинул его.

– Ну, ничего, ничего, – теперь уже сам себя успокаивал Юдин, – все будет хорошо! Мы эту войну выиграем, и в стране все будет как прежде; не совсем, конечно, учитывая, что

Романовых уже больше нет, но с властью большевиков будет раз и навсегда покончено! А если не одолеем? – и он посмотрел внимательно на святой образ Богородицы, висевший в углу комнаты. – Что тогда со всеми нами станется?!

Его риторический вопрос тяжело повис в воздухе, и, неприятно содрогнувшись от одной только этой мысли и не дождавшись ниоткуда ответа, Александр Юдин пошел в своей кабинет заканчивать дела с документами.

Глава вторая. Батум

«Сталин: Ты читал статью Ноя в „Квали“?»

Вано: Читал.

Сталин: Ну, скажи сам, к чему будут годны люди, которых они воспитывают такой литературой? Интеллигентные чернокнижники. Ты знаешь, они ко мне прислали гонца. И он меня уговаривал, чтобы я уехал из Батума. Они говорят, что здесь, в Батуме, невозможно вести борьбу и нелегальную работу. А когда я спросил, почему – он говорит: рабочие, говорит, темные, а кроме того, улицы хорошо освещены, прямые, всё, говорит, видно как на ладони! ...Выходит, не борись, потому что рабочие темные, а улицы светлые!..»

Из пьесы Михаила Булгакова «Батум»

В годы первой мировой войны в батумском регионе власть пытались удержать белые, красные и грузинские националисты. А с декабря 1918 года по июль 1920-го в Аджарии хозяйничали англичане, привлеченные, прежде всего, нефтяным терминалом Батума. Одним из нефтеперерабатывающих заводов владела семья парижского банкирского дома Ротшильдов, другим заводом «Товарищества Братьев Нобель» руководил Эммануил Нобель. Именно на заводе Ротшильда в 1902 году Коба (он же товарищ Сталин) организовал многотысячную забастовку рабочих, принявших участие в марше протеста у здания военного губернатора. По митингующим войска открыли огонь, и было много убитых и раненых.

И типографию, в которой печатались листовки, полицейские тоже нашли. Коба был арестован, но впоследствии очень гордился этим фактом своей биографии.

В период английской оккупации в городе Батуме царил настоящий военный порядок. Командовал всем военный губернатор английский генерал Кук Колисс, красовавшийся перед жителями города в своем ярко-красном кителе с золотыми пуговицами. Да и сама британская армия являлась неким примером воинской доблести и дисциплины, тем самым заслужив высокое уважение у батумчан. Английские солдаты всегда были добротнo одеты, хорошо выбриты, смотрели бодро и приветливо. От всякой мошкары и комаров им выдавали специальные сети, да такого высокого качества, что местные модницы слезно выпрашивали у них эти сети и шили себе из них великолепные модные платья.

Статные английские офицеры, заглядывавшиеся на этих местных модниц, носили открытый мундир с длинными полами и большими карманами сбоку, брюки с обмотками цвета хаки и двубортные шинели тоже цвета хаки с погонями, имевшими спецзнаки и знаки различия. Несмотря на комендантский час, в городе, особенно в вечерние часы, царила атмосфера веселья и разгула. Работало множество кабаков, ресторанов и баров, в которых проводили свое свободное от службы время английские офицеры, сильно подвыпившие, но никогда не учинявшие ни дебошей, ни беспредела в этих заведениях.

Но после значительных осенних неудач Белой армии Деникина 1919 года на юге России Ллойд Джордж открыто заявил в английском парламенте о невозможности до бесконечности финансировать белые русские правительства и неправильности взвалить на плечи Англии страшную тяжесть, каковой является водворение порядка в стране, раскинувшейся в двух частях света.

Это означало только одно – скорый конец английской оккупации. Русским генералам Деникину и Врангелю было предложено с английской стороны прекратить неравную борьбу и при посредничестве Англии вступить в переговоры с советским правительством. Есте-

ственно, это было неприемлемо для Белой гвардии. Тогда Англия полностью оставила без помощи Белое движение, постепенно выводя свои войска из Грузии.

Вазилис Савулиди, недавно прибывший в Батум, город своей мечты, был очень доволен своей жизнью. Ему нравился этот многонациональный вертеп, который не очень то и отличался от его родного Трапезунда ни климатом, ни обычаями и в котором молодой человек чувствовал себя почти как у себя дома. Жил он у дальнего родственника своей тетки Мелиты, тоже понтийского грека, помогая тому в его небольшой ремонтной мастерской.

Как беженцу Вазилису предстояло легализовать в чужой стране свое положение, и он отправился в местную контору, занимавшуюся такими как он.

В приемной за столом сидел с важным видом грузин, а рядом стоял английский военный. Они смерили взглядом Вазилиса, начав вести почти допрос с пристрастием.

– Предъявите ваши документы, молодой человек! – приказал грузин.

– Да вот, пожалуйста, – совсем оробев перед ними, Савулиди протянул свернутую вдвое бумажку.

– Значит вы понтийский грек из Трапезунда, так?

– Именно так.

– А что вас вынудило бежать из Турции?

«Что меня вынудило?! А то вы это хорошо не знаете? Вас бы туда хотя бы на месяц отправить к туркам! Я посмотрел бы, как вы после этого такие вопросы осмелились бы задавать?!» – возмутился про себя Вазилис, но внешне никак не проявив свои эмоции, кратко ответил им.

– Геноцид греческого народа.

– Да... Понимаю... А грузинский откуда так хорошо знаете?

«Еще один глупый вопрос! По-моему, они надо мной просто издеваются».

– У нас двор был многонациональный, с детства говорю на грузинском и аджарском языках, – так же невозмутимо ответил молодой человек.

– Ну, хорошо, я вижу, ты парень положительный, серьезный, кстати, ты где здесь живешь, работаешь?

– Я живу у моего дальнего родственника и работаю в его ремонтной мастерской. Можете проверить.

– Обязательно проверим это. А пока мы выдаем тебе временное разрешение на проживание в Аджарии. Но ты должен понимать, что в любой момент власть может поменяться и тогда эта бумажка станет недействительной. На прощание дам тебе один совет, парень: если сюда придут большевики, поменяй свое имя на русское Василий и отчество возьми Дмитриевич. Так тебе легче будет здесь жить.

– О, большое спасибо за такой дельный совет! Я обязательно воспользуюсь им. До свидания.

Выйдя из полицейского участка, радостно присвистывая, молодой человек пошел немного прогуляться по приморскому бульвару. Ему так нравилось это место, что в каждый свободный вечер он стремился именно сюда, пройтись по великолепному Николаевскому бульвару Батума, где было всегда оживленно илюдно. Его длинные тенистые аллеи, усаженные различными тропическими растениями, шикарными многолетними магнолиями, от больших белых цветков которых распространялся такой сильный сладковатый запах, что немного начинала кружиться голова; возносившимися к небу юкками, кипарисами и пальмами, под тенью которых можно было приятно отдыхать часами, – все радовало глаз и заставляло вновь не раз возвращаться туда.

А уж какой великолепный вид открывался с бульвара на морское пространство и главный кавказский хребет с заснеженными вершинами, прямо дух захватывало!

Помимо природных красот, на бульваре имелся ресторан, на открытой веранде которого четыре раза в неделю играл оркестр. Под исполняемые им модные мелодии того времени элегантные дамы и их кавалеры грациозно танцевали на глазах у всех. Это зрелище очень привлекало многочисленных прохожих, прогуливающих по бульвару. Обычно они усаживались поудобнее на скамеечках напротив ресторана и, не стесняясь, глазели на танцующих.

Для бедного греческого парня, еще ничего хорошего, кроме горя и бед, в своей молодой жизни не видевшего, это зрелище было просто завораживающим, волшебным, от которого он не мог оторвать своих восхищенных карих глаз!

Конечно, на данный момент своей жизни Вазилис Савулиди не мог позволить себе пойти поужинать в ресторан, пригласив с собой какую-нибудь симпатичную молодую барышню, но у него были четкие намерения на свое будущее: стать если не богатым, но хотя бы прилично зарабатывающим человеком. И тогда наверняка у него появится красивая, из приличного общества невеста, с которой он также, как вон те господа, сможет красиво, на зависть другим проводить время. А сейчас ему приходилось довольствоваться малым: имея в кармане лишнюю копеечку, он обычно шел побаловать себя в припортовую хачапурню, где покупал себе кусочек свежайшего сулугуни или свежесвепеченную кукурузную лепешку мчади, а в праздничные дни позволял себе хачапури по-аджарски, запивая его вкуснейшим местным лимонадом.

Пройдя почти весь бульвар до ресторана, Вазилис решил отдохнуть на лавочке и еще раз полюбоваться нарядной публикой, важно проходящей мимо него. Он сидел, положив ногу на ногу, слушая виртуозную игру оркестра, смотрел на танцующих, держа в руке длинную сладкую колбасовидную чурчхелу, откусывал от нее маленькие кусочки, медленно со вкусом пережевывая их. Как вдруг он увидел ЕЁ, вернее, их, симпатичную даму и ее двух дочерей, медленно прогуливающих по аллеям бульвара и закрывающих свои прекрасные лица от весеннего солнца кружевными зонтиками. В период гражданской войны мода на аристократическую бледность постепенно отходила, и дамы предпочитали иметь более загорелые лица, но эти барышни, наверное, придерживались классического канона красоты, оберегая свою нежную кожу от южных лучей.

Одеты женщины были очень элегантно, согласно моде того времени. Дама в английском костюме – в двубортном жакете и укороченной юбке до щиколоток из тонкого джерси темно-синего цвета, в черных чулках под цвет черных туфель с перепонкой впереди, держала в одной руке в дневных перчатках на две пуговицы изящную дамскую сумочку из замши.

Молодые барышни были одеты в так называемые универсальные платья прямого покроя с накладными воротничками и расширенными юбками темно-серого и бордового цветов, несли сумочки под цвет своей одежды, а их длинные, густые темно-русые волосы были аккуратно забраны сверху и заколоты костяными гребешками и заколками, украшенными настоящим мелким жемчугом.

Савулиди не раз встречал это благородное семейство здесь, на батумском бульваре, состоящее из мамы и двух дочерей, одна из которых на вид была постарше, а другая помладше. Именно та, которая была на вид постарше и немного повыше ростом, очень приглянулась ему! Иногда, когда три женщины медленно проходили мимо него, Вазилису удавалось услышать отрывки их разговоров, из которых он понял, что они здесь находятся временно, что глава семьи воюет в Белой армии против большевиков и что они очень беспокоятся за него и ждут не дождутся воссоединиться с ним. Также он узнал, что старшенькую зовут Александра, а младшую Ксения.

«Как бы мне с ними познакомиться! – в голове юноши возникали разные варианты, но ни один, как ему казалось, не подходил для знакомства с такой утонченной барышней. – Мне так нравится Александра! Я почти в нее влюблен! Но, увы, шансов, и это надо честно признать, у меня совсем мало! Она барышня из высшего общества, а я кто такой?!» – с такими упадническими мыслями, он не переставал восхищенно смотреть в сторону девушки. С тех пор Вазилис стал приходить на бульвар только ради этой прекрасной девушки. Ради того, чтобы хоть мельком увидеть ее и услышать ее ангельский голос. Но до сих пор реального шанса познакомиться с ней судьба не предоставила влюбленному греческому юноше.

Валентина Сергеевна Юдина с дочерьми Ксенией и Александрой, благополучно добравшись из Курска в Батум, временно проживали в местной гостинице. При этом не проходило ни дня, чтобы она не справлялась у знакомого английского генерала, как обстоят реально дела на фронте и в армии генерал-лейтенанта Антона Деникина. Считая это своим долгом, высокий военный чин охотно докладывал Юдиной о ситуации на фронтах.

– Вы, леди Юдина, не беспокойтесь. Пока все идет хорошо, они побеждают, хотя им и пришлось немного отступить, – все же пытаюсь скрыть от нее истинное положение дел, говорил он.

– И это вы называете «немного»?! – возмутилась Валентина Сергеевна. – Вы что же себе думаете, милейший, я газет утренних не читаю? Скажите честно, умоляю вас! Англия будет продолжать нам помогать?!

– Не знаю, леди, не знаю, – отводя взгляд в сторону, отвечал генерал. На тот момент англичане для себя уже решили, что война для белых почти проиграна. Принципиальное решение по этому поводу уже было принято в английском парламенте.

– Вам все равно не следует ни о чем волноваться, дорогая Валентина Сергеевна. Я лично пообещал Антону Ивановичу и вашему дражайшему супругу, полковнику Юдину, обеспечить вам и вашим очаровательным дочкам полную безопасность здесь, а в случае нашего ухода из Батума успешно доставить вас в Европу на нашем военном корабле.

– Все-таки я подозреваю, что на самом деле ситуация сложилась не в пользу Белой гвардии, раз вы все же подумываете об окончательном отъезде?! – она больше всего этого опасалась, но не допускала и мысли, что с ее любимым Сашей может что-то плохое случиться.

– Только прошу вас, любезный, сообщить мне заранее об отъезде, а то нам в три дня пришлось собрать вещи, уезжая из Курска, – убедительно попросила генерала она.

– Конечно, конечно, мы вас оповестим, я думаю, минимум за неделю, – заверил жену полковника военный, с сочувствием посмотрев на нее. Английскому генералу не только было достоверно известно, что в середине лета, а сейчас была уже весна, 1920 года они покинут Грузию, но у него в рабочем сейфе уже лежало доставленное с фронта поручиком Васильевым письмо от полковника Юдина для его семьи. На словах было передано, что генерал Деникин с печалью удостоверяет, что шансов выжить после тяжелого пулевого ранения у полковника почти нет, но, чтобы не огорчать его близких и, не дай Бог, чтобы они не передумали уезжать из России, ничего про это им не говорить, а передать это последнее письмо полковника семье только тогда, когда те благополучно доберутся до Ниццы.

Но все это случится потом, а пока Юдина с дочерьми, нарядно одетые, почти каждый вечер прогуливались по батумскому бульвару. Лишь только в дождь или в ветреную погоду дамы не приходили сюда, в то время как понтийский юноша Вазилис Савулиди приходил на бульвар в любую погоду, хотя и понимал, что вряд ли в проливной субтропический дождь барышни выйдут на прогулку. Он просто уже не мог прожить и дня, не увидев хотя бы изда-лека свою обожаемую Александру.

Сама же Валентина Юдина давно заприметила этого молодого человека, каждый раз, когда они прогуливались по бульвару, сидящего на скамейке и не сводящего глаз с ее дочерей. Правда, она не сразу поняла, которая из них ему больше понравилась. Проходя мимо него, Юдина-старшая смотрела на юношу свысока, бросая на него такой снисходительный, полный жалости взгляд, как бы говорящий: «Бедный юноша, угораздило же тебя влюбиться в мою дочку! Ты же, как я погляжу, совсем простой и бедный парень!»

Только вот зря благородная дама тогда так на него смотрела! Потому что и года не пройдет, как этот бедный парень станет ее затем. В отличие от строгой маман, сестрам Юдиным юноша очень даже приглянулся. Завидя его еще издалека на бульваре, девушки улыбались и, хихикая, друг другу вполголоса шептали.

– Смотри, Сашенька, опять этот парень вон там на лавочке сидит! Он смотрит на тебя как заколдованный! – обратила внимание сестры Ксения.

– Да ладно тебе, сестренка, преувеличивать! Обыкновенно смотрит! Просто наши лица ему уже знакомы, ведь мы так часто сюда с маменькой приходим!

– Хорошо, сестренка, пусть будет по-твоему! Только мне почему-то кажется, что скоро мы с ним лично познакомимся.

И только юная провидица Ксения изрекла эту фразу, как ее старшая сестра Александра, неудачно оступившись об камень, сломала французский каблук своей туфельки-«рюмочки».

– Ой, какая я все-таки неуклюжая, маман, я, кажется, каблук сломала! Как же нам дойти сейчас до дома? Далеко же! И извозчиков что-то не видно! – девушка растерянно вертела в руке отвалившийся каблук и никак не могла понять, что ей дальше делать.

– А я тебе все время говорила, душа моя, что лучше на прогулку надевать высокие ботиночки на шнуровке, как у Ксюши, сейчас бы этого не произошло! – упрекнула ее мать.

– Не ругайте меня, пожалуйста, мама, ну что поделаешь, случается!

– Ничего страшного и вправду, маменька! Дома, слава Богу, другие туфли имеются! Будем ждать извозчиков, нам отсюда далеко в гостиницу возвращаться, – защищала Ксения сестру.

И они присели втроем на лавочку в ожидании экипажа.

Увидев все это издалека, Вазилис понял, что ему, наконец-то, выпал шанс познакомиться с барышней. Если он его упустит, другого подходящего случая может и не представиться больше. Он собрался с духом и рискнул подойти к лавочке, где они все сидели.

– Добрый день, уважаемые дамы, позвольте представиться: меня зовут Вазилис Савулиди или можно просто по-русски – Василий. Мне кажется, у вас небольшая проблема, не так ли? Что, внезапно каблук сломался? Я могу быть вам чем-нибудь полезным? – любезно предложил свои услуги юноша.

– Очень приятно познакомиться с вами, молодой человек! Хотя мы заочно почти с вами знакомы, виделись не раз здесь на променадах, не так ли? Я жена полковника Юдина, Валентина Сергеевна, а это мои дочери, Александра и Ксения, – женщина изящно протянула Вазилису свою руку для поцелуя. – Сашенька сломала каблук, вот мы и дожидаемся экипажа, чтобы добраться до нашей гостиницы.

– Так не надо никакого экипажа, госпожа Юдина! Если вы позволите, Александра могла бы опереться на мое плечо, правда при этом я буду вынужден поддерживать ее за талию, и таким образом, не торопясь, мы славно дойдем до вашей гостиницы. Честно скажу, если бы расстояние не было таким большим, я с легкостью смог бы донести вашу дочь на руках до гостиницы. Но, увы, не получится, я же не Геракл какой-нибудь! – пошутил Вазилис.

Такая откровенность, юмор и непринужденность в разговоре очень понравились дамам, и они тоже дружелюбно улыбнулись ему.

– А каблук без проблем я смогу починить в моей мастерской и завтра же вам его доставлю прямо в гостиницу, – продолжал деликатно настаивать на своей помощи юноша.

– Ну, что же, это неплохая мысль, давайте так и поступим! – не увидев ничего неприличного в этом предложении, согласилась Юдина-старшая. К тому же, юноша, к ее удивлению, был хорошо воспитан и умел вести себя с дамами. А уж как красив был при ближайшем рассмотрении, просто влюбиться можно!

По дороге в гостиницу Александра и Вазилис даже смогли немного поговорить друг с другом – хотя мама и сестра шли на несколько шагов позади них – так, ни о чем, о природе, о погоде, ну и конечно, о войне. Девушка настолько была обеспокоена за судьбу ее папеньки, которому, как она выразилась, сейчас, наверное, так тяжело где-то на фронте в сырых и холодных окопах без его близких людей, что у нее просто сердце разрывается на части, но она верит, не может не верить, что скоро все закончится и отец приедет к ним, если не сюда, в Батум, то уж точно – во Францию. Вазилис в свою очередь произнес тоже несколько ободряющих слов по этому поводу, на том и простились до завтра.

Когда же на следующий день он принес отремонтированную обувь, жена полковника Юдина пригласила юношу в кафе при гостинице, чтобы отблагодарить его и познакомиться немного поближе. Она не могла не заметить, что ему очень понравилась ее старшая дочь, да, кажется, и девушке он тоже пришелся по душе, поэтому решила расположить к себе Вазилиса, выведав при этом все его жизненные планы.

Юноша, не лукавя и не подозревая никакого подвоха со стороны благородной дамы, рассказал ей почти всю свою небогатую биографию и даже поделился планами на будущее, твердо заявив, что решил, как только все утрясется в стране, пойти учиться на инженера.

«Какой целеустремленный и серьезный юноша! Безусловно, из него в будущем выйдет толк, но только все равно он не пара моей Сашеньке!» – подытожила про себя Валентина Сергеевна, мило улыбаясь юноше.

Видя, как немного нервничает и ёрзает на стуле юноша, проницательная жена полковника тотчас же осведомилась у него:

– Я вижу, вы хотели бы у меня что-то спросить, юноша? Может, и вам нужна наша помощь? Не стесняйтесь, говорите! Я с радостью помогу вам, чем смогу.

– А как вы догадались? – наивно спросил Вазилис у помещицы.

– Поживешь с мое, мой мальчик, еще не то сможешь угадывать. Говорите, не стесняйтесь, я слушаю вас.

– Госпожа Юдина, не найдется ли у вас времени, пока вы еще в Батуме, дать мне несколько уроков русского языка?

Смышленный грек решил найти благородный предлог для того, чтобы иметь хоть небольшую возможность видеть свою обожаемую Александру. Конечно, это также прекрасно поняла и мать Александры, но она была настолько уверена в своей дочери, которая ни при каких обстоятельствах не пошла бы против воли своей родительницы, что, не увидев никакой опасности для себя в этом начинании, милостиво согласилась дать несколько уроков юноше.

– Вы же, Василий, очень сносно говорите по-русски, зачем вам еще заниматься? – прищурив глаза, уточнила Юдина.

– Да, говорю-то я уже неплохо, но у меня большие пробелы в письменном языке и в чтении, как я смогу поступить в инженерное училище без этих знаний? А денег на занятия с преподавателем у меня, увы, нет, вот я и подумал, если вы могли бы мне помочь...

– Да, да, конечно, приходите завтра после работы. – Юдина, как обычно, подала ему на прощание ручку для поцелуя и направилась по своим делам в центр города.

В течение трех месяцев Вазилис Савулиди приходил каждый день заниматься в гостиничный номер Юдиных. Но за все это время смог перемолвиться лишь несколькими словами с Александрой, обмениваясь с девушкой выразительными, полными любви и нежности взглядами.

Госпожа Юдина всякий раз под благовидным предлогом отправляла сестер на время ее занятия с Вазилисом из гостиницы или давала какие-нибудь задания типа чтения или вышивания в другой комнате. Она всячески препятствовала возникновению более близкого общения между двумя молодыми людьми.

Но разве настоящей пылкой юношеской любви страшны какие-нибудь преграды?! Молодые люди полюбили друг друга и очень страдали от невозможности быть вместе, разговаривать, гулять или просто наслаждаться обществом друг друга без навязчивого присутствия посторонних. У Вазилиса еще не появился настоящий друг в Батуме, такой, каким для него был Лукас из его родного Трапезунда, с которым приятно было поделиться самыми сокровенными мыслями и чувствами, и ему приходилось все держать глубоко в себе, а Александра, напротив, все же рискнула и открылась своей сестре Ксении, что безумно влюблена в этого греческого юношу.

– Ой, как романтично! – зашебетала вечером после вечерней молитвы Ксения. – Неужто ты так влюблена, Сашенька! А как это? Что ты конкретно чувствуешь? Расскажи, сестренка? – пыталась понять младшенькая, что, собственно, это такое – Любовь?

– Да разве словами это можно выразить, Ксюша, дорогая?! Ну, в общем, это когда ты видишь его или касаешься его руки и по твоему телу пробегает такая дрожь, что просто жуть, почти до обморока!

– Поняла!!!! И ты, наверное, постоянно о нем только и думаешь?

– Думаю и день, и ночь, постоянно, сестренка, думаю, только радости от этого у меня мало! Ведь ничего у нас с Василием не получится, он останется здесь, а мы с маменькой поедим во Францию!

– Да... Жаль, конечно. Ну, ничего, мы еще с тобой очень молоды, найдем себе суженых. К тому же, ты же понимаешь, что он не из нашего круга! Родители никогда бы не дали своего благословения на этот брак!

– То-то и оно! Никогда! – Александра глубоко вздохнула, повернулась на другой бок и тихо заплакала в подушку от безнадежности своего положения.

Но, все же, один раз своей природной деликатностью и обаянием Вазилис (отныне он просил всех называть его на русский манер Василием) смог убедить маму Александры опустить их ненадолго погулять в Александровский сад.

– Но только на часок, не больше, слышишь меня, Саша? – строго наказывала мать.

– Да, хорошо, мама. – Саша была безумно счастлива, что, наконец-то, сможет остаться со своим возлюбленным наедине.

– Побежали скорей, Сашенька, в парк! Не будем терять время, у нас его и так мало! Вот увидишь, он такой красивый! А хочешь, я расскажу тебе его историю? – юноша взял девушку за руку.

– Да откуда ты все это знаешь, Василий? Ведь ты такой же приезжий, как и мы?

– Я хоть и приезжий, но очень любознательный по природе своей человек, меня многое увлекает и интересуется в жизни! Я обожаю этот город, и все, что с ним связано, мне любопытно и дорого.

– Ты большой молодец! Я думаю, что тебя ждет большое будущее!

– Я тоже хотел бы в это верить! Обязательно кем-нибудь стану! Ну, в профессиональном смысле! Правда я еще достаточно молод, и у меня есть еще время все хорошенько обдумать! Не так ли, Сашенька?

– Да, конечно, у нас еще есть много, много времени впереди! – весело отозвалась девушка, и они побежали вдоль моря по набережной по направлению к парку.

– Видишь, какое это красивое место, я не обманул тебя! Этот парк в 1885 году создал французский садовник Альфонс, а позже сюда приезжал сам русский император Александр Третий с семьей и лично участвовал в посадке нескольких деревьев. Поэтому его так и назвали.

– Интересно! А как называется расположенное в центре него озеро? – спросила девушка.

– Сначала оно называлось Гель-Баши, что в переводе с турецкого означает «главное, основное озеро», а потом здесь произошло одно очень печальное событие: утонул турецкий мальчик Нури, и тогда местные жители назвали озеро в честь этого несчастного мальчика Нурие-гель. А еще в этом озере турки искали жемчуг, то есть, жемчужные устрицы, и местные жители уверяют, что им удалось их найти! Наверное, на этом кто-то тогда хорошо разжился!

– Как интересно! – Александре Юдиной очень нравилось, как этот по сути своей малограмотный греческий юноша так толково и подробно, со знанием дела ей все рассказывал. Александра почему-то была просто уверена, что этот, из простой семьи, понтийский юноша, так щедро наделенной не только природной внешней красотой, но и гибким умом, и великолепной памятью, сможет достичь небывалых высот в своей будущей жизни.

– Пойдем, купим вон в той лавочке немного хлеба и покормим лебедей! – предложил ей Василий.

– Пойдем! – взявшись за руки, они побежали к хлебному ларьку.

– А потом давай возьмем напрокат лодку и покатаемся на ней по озеру, ты не против, Сашенька?

– Нет, конечно! Как это романтично! Только, к сожалению, нужно посматривать на часы. Маменька засерчает, если мы надолго задержимся!

– Ничего. Не волнуйся! Если даже мы немного припозднимся, я весь огонь беру на себя! – юноша еще больше выпятил вперед свою и без того широкую, могучую грудь, как бы доказывая, что от всех невзгод и неприятностей сможет оградить свою любимую.

До этой судьбоносной встречи с Василием Савулиди юная Саша Юдина не то чтобы не была ни в кого влюблена, но ей даже никто и не нравился из щеголей местной курской знати, хотя отец ее, Александр Иванович, уже прочил в мужа своей старшенькой дочери сына одного местного промышленника. Их даже успели в чопорной обстановке представить друг другу, но Александре молодой человек не понравился своей чванливостью и надменностью, хотя и был не лишен привлекательных внешних данных. Александра была воспитана, как, впрочем, и все дети ее поколения, в полном повиновении своим родителям и, скорей всего, вышла бы замуж за этого парня согласно святой воле ее родителей. Но, к счастью, этого не произошло, началась гражданская война, и уже было не до свадеб и заранее запланированных браков.

«Боже, как я счастлива! Мне кажется, что я на самом деле самая счастливая девушка на свете!» – Александра завидовала самой себе, после того как Василий в лодке признался ей в любви и она первый раз в своей жизни страстно поцеловалась с мужчиной.

– Я никуда тебя больше от себя не отпущу, слышишь, Сашенька?! – покрывая ее лицо поцелуями, заверял Василий. – Выходи за меня замуж, Александра! Я клянусь тебе светлой

памятью моих родителей и сестры, что сделаю все, чтобы ты была со мной счастлива, ни в чем не нуждалась и чтобы ты даже ни на секунду не пожалела в будущем о том, что вышла за меня замуж! – Молодые люди лежали, протянув ноги, в лодке и смотрели на плывущие по небу светло-голубые облака.

Не переставая восхищенно смотреть на своего любимого, Александра ответила на его предложение:

– Василий, я согласна стать твоей женой! Я остаюсь здесь, с тобой, и не поеду с маменькой и сестрой во Францию. Сейчас для меня самое важное – это ты. Хотя я и буду бесконечно скучать по ним. Наверняка папенька очень разгневется, что я вышла замуж без его родительского благословения, но это только первое время, он у меня очень добрый и очень любит нас с Ксюшей. Он потом поймет и простит меня. К тому же, мы ведь приедем к ним в гости, правда, Василий?

– Конечно, любимая! Да мы вообще можем повременить со свадьбой, подождем, когда твой отец вернется с фронта, попросим у него твоей руки, а потом, как полагается, пойдём венчаться в церковь.

Василий вовсе не был уверен, что Александра согласится выйти за него замуж. Скорее, наоборот. Поэтому услышав такое твердое «да» из юных уст девушки, был приятно удивлен и обрадован.

«Боже, неужели это правда? Она согласилась выйти за меня, нищего, безродного грека? От счастья у меня даже в глазах потемнело! Только с этого дня на меня ложится вся ответственность за наше будущее! Мне предстоит много учиться, а потом также много работать, чтобы выполнить все то, что я ей только что пообещал. Лишь бы Валентина Сергеевна не смогла переубедить Сашеньку в обратном! Сможет ли она, во всем послушная маменькина и папенькина дочка, противостоять всем тем доводам своей строгой и не терпящей возражений мамы?» Влюбленные спешили обратно в гостиницу, ведь время, выделенное им Юдиной для прогулки, давно уже истекло.

Запыхавшись, с немного растрепанными на ветру волосами Александра влетела в свой гостиничный номер с двадцатиминутным опозданием. Валентина Сергеевна сделала, как подобает, недовольный вид, сухо попрощалась с Савулиди и приказала Саше идти умываться и ложиться спать.

Наутро состоялся неприятный и очень откровенный разговор между матерью и старшей дочерью.

– Мама! – набрав побольше воздуха в легкие, первой начала разговор Александра. – Я должна сказать вам что-то очень важное.

Валентина Сергеевна подняла кверху свои очки и, оторвавшись от чтения местной газеты, сказала:

– Я тебя внимательно слушаю, Александра.

– Маменька, я больше чем убеждена, что вы меня не одобрите и, может быть, даже проклянете, но я не могу поступить иначе. Не знаю, как вам это объяснить получше... В общем, я не могу жить без Василия! Я его очень люблю, и он меня любит очень! Он попросил стать его женой, и я согласилась. Я, мамочка, никуда не еду, я остаюсь здесь, в Батуме, жить со своим любимым человеком! – как можно тверже старалась произносить каждое слово Александра. Она боялась, что матери все же удастся со своими неоспоримыми аргументами ее переубедить. И тогда конец ее счастью с Василием!

– Да что ты такое говоришь! Ты это про что, Александра?? Ты хочешь предать, а по иному я это не могу назвать, свою семью, своего отца и мать?! Ты, урожденная Юдина, дворянка с внушительным наследством и высоким положением в обществе, хочешь связать свою судьбу с без рода и племени понтийским греком? И остаться жить в этой полумусульманской провинции?! Нет, даже и не думай ничего такого, я никогда не дам тебе моего бла-

гословления! И отец тоже бы так же поступил. Ты нас позоришь, Александра, неужели ты этого не понимаешь?!

Валентину Сергеевну просто колотило от ненависти к этому греческому юноше, который позволил себе попытаться украсть у нее дочь! Немного переведя дух, Юдина-старшая категорично заявила:

– Мы немедленно уезжаем вместе с англичанами. И если вам еще непонятно, – она уже обращалась к обеим дочерям, – то это вопрос жизни и смерти, потому что сюда очень скоро придут красные и тогда всем нам конец! – истерично кричала она. – Собирайте ваши чемоданы! Я скоро вернусь! А пока я вас закрою на ключ!

– Я все равно никуда не поеду, я остаюсь с ним! – кричала вслед матери Александра, колотя кулаками по закрытой двери.

Быстрым шагом, покрыв голову легким шелковым платком, Юдина шла по направлению к православному собору Святого Николая. Нужно усердно помолиться перед отъездом за всю свою семью, и особенно, за старшую дочь, попросить Господа наставить ее на путь истинный, и конечно же, и самой исповедоваться, спросив у батюшки совета, поведав ему о сложившейся в ее жизни столь непростой ситуации.

В православном храме курская помещица преклонила колени перед святым ликом Богородицы. Валентина Сергеевна произнесла несколько молитв перед иконой, перекрестилась и, оглядевшись вокруг себя, поискала глазами священника. Но его, как ей сказали, в данный момент в обители не было. Она искренне огорчилась этому, но все же решила не терять времени на ожидание и прямым ходом направилась туда, где жил Василий Савулиди.

В то время Батум был совсем маленьким городом, и все его кварталы, так или иначе можно было сказать, находились в центре.

Придя по адресу, она увидела перед собой ветхий маленький домишко с покосившимся крыльцом и небольшим двором, в центре которого возвышалось в гордом одиночестве одно лишь инжировое дерево. Лишь только одна мысль, что ее драгоценная, выращенная в богатстве дочь могла бы остаться жить здесь, больно покоробила ее.

– Добрый день, дамочка! Вам кого? – вот так без прелюдий и не совсем дружелюбно спросил ее моющий, вернее, отмывающий под краном во дворе от машинного масла свои руки средних лет греческий мужчина.

– Я жена полковника Александра Ивановича Юдина, – чеканя каждое слово с высоко поднятой головой, представилась женщина. – Желаю видеть Василия. Он дома?

– А... К нам благородная дама пожаловали. Извиняйте покорно, что не можем оказать вам прием согласно вашему высокому происхождению, – съехидничал он.

– Послушайте, я не затем к вам через весь город шла, не для того, чтобы вы надо мной иронизировали. Василия позовите! – приказала Юдина.

– А вы тут не приказывайте, мы вас в гости не приглашали! – возмутился грек, и брызги от умывальника нечаянно попали на гостью. Юдина брезгливо смахнула их с себя, как-будто это была не вода, а рой грязных мух.

– Ишь, привыкли тут командовать над нами, простыми работягами, вы, никчемные изнеженные господа! Ну, ничего, советская власть всех вас поставит на место! И тогда мы поглядим, кто над кем и как будет командовать! А сейчас я желаю знать, зачем вам нужен мой двоюродный племянник!? – совершенно игнорируя присутствие дамы, он сел на старое крыльцо, раздвинув широко в грязных брюках свои ноги, и принялся пальцем неприглядно что-то выковыривать из своих зубов.

Такого в ее присутствии даже их крестьяне никогда себе не позволяли!

«Какой ужасный субъект! Неприятный и совершенно невоспитанный?! Неужели они все такие эти греки? – до этого Юдина не была знакома ни с одним греком в своей жизни. – Василий на фоне своего родственничка смотрится почти как принц Уэльский!» – отметила про себя Валентина Юдина.

– Мне срочно нужно поговорить с вашим племянником о моей дочери Александре. А времени у меня очень мало – мы практически сидим на чемоданах. Я вас очень прошу, позовите его, – уже сменив командный тон на более вежливый, попросила Юдина.

– Ну и уезжайте себе на здоровье! Все равно вы против, чтобы ваша благородная дочь встречалась с нашим Вазилисом. Так не надо ему душу рвать! Лучше уходите!

– Так в том-то и дело, что моя дочь не хочет уезжать с нами во Францию, желает, видите ли, выйти замуж за вашего племянника!

– А что?! Вазилис – отличный работающий парень! С ним ваша дочь была бы как за каменной стеной. Все умеет своими руками делать, а если еще и выучится, вообще далеко пойдет. Кстати, а ваша изнеженная дочка чаво умеет делать? – и он скривил неприятную гримасу.

– Я сейчас не намерена обсуждать с вами положительные качества моей дочери и браку этому не бывать! Я настаиваю: мне необходимо поговорить с Василием, – нервно комкая в руках свои кружевные перчатки, продолжала нелегкий диалог с двоюродным дядей Вазилиса помещица Юдина.

Мужчина еще раз смерил дамочку с ног до головы и, решив, что уже хватит ее словесно мусолить, громким голосом позвал своего родственника.

– О, здравствуйте, Валентина Сергеевна, как неожидан ваш приход! Я очень рад вас видеть! В дом войдете? – как обычно, был предельно вежлив и уважителен с ней юноша.

– Нет, спасибо, Василий, у меня очень мало времени, – без вступительных слов начала она. – Давай побыстрее отойдем отсюда куда-нибудь и поговорим откровенно, – недоброжелательно посмотрев в сторону сидящего на пороге грека, предложила дама.

– Да, конечно. Можно вот туда пройти, – юноша показал рукой на что-то наподобие небольшого сквера в двух шагах от его дома.

– Предлагаю поговорить предельно откровенно, Василий! Ты славный, умный и очень красивый юноша, поэтому в принципе меня не очень удивляет тот факт, что Александра в тебя влюбилась. Но это всего лишь первая влюбленность, которая скоро пройдет. И что тогда? К тому же, ты не сможешь дать моей дочери и доли того, к чему она привыкла! Она заупрямилась и ни в какую не хочет уезжать. А времени нет! На подходе красные! И тогда всех дворян поубивают! Ты еще не знаешь, кто такие большевики! А мы в Курской губернии днями на улицу не выходили, боясь красного террора! Многих наших близких друзей тогда поубивали, – при этих воспоминаниях глаза Юдиной заблестели от слез. – Я тебя умоляю, не разбивай материнское сердце, откажись от моей дочери, пойдем со мной в гостиницу и скажи ей, чтобы она уезжала со мной. Можешь даже пообещать ей, что ты сам вскоре к ней приедешь! Ведь это вполне реально, не так ли? – гордой и надменной Юдиной с трудом дались все эти слова и вообще весь этот унижительный для нее приход в дом родственников Савулиды.

– Ну, предположим и в моей жизни было много горя, может, даже и побольше, чем у вас! На моих глазах турки убили моих маму, папу и младшую сестренку, – Василия возмутило, что Юдина жалеет только свою семью и себе подобных, а что творится в душах других людей, то на это ей совершенно наплевать.

– Прости, я не знала ничего об этом! – посочувствовала ему Валентина Сергеевна. – Тем более, ты можешь понять, что это такое, когда у тебя отнимают твоего близкого человека!

– Да, но я Александру от вас не отнимаю! Я лишь хочу связать мою жизнь с ней! Мы любим друг друга, понимаете?! Я вас очень прошу, уважаемая Валентина Сергеевна, не надо так расстраиваться! Поверьте мне, я искренне люблю вашу дочь! И никогда, слышите, никогда, не допущу, чтобы с ней что-либо плохое произошло. Наша любовь настоящая, а не так, что на один день! Пожалуйста, позвольте ей остаться со мной! Я клянусь вам – вы никогда об этом не пожалеете! Я вас умоляю! – и он опустил перед дамой на колени. – Не увозите ее от меня! Я тоже этого не переживу! Я обещаю вам, как только сможем, мы приедем к вам. Мне бы очень хотелось познакомиться с вашим супругом и понравиться ему! Вот увидите, я выучусь, стану инженером и добьюсь многого в жизни.

– Я вижу, мы не договоримся с тобой! – зло ответила ему Юдина. – Я просто трачу здесь с тобой мое драгоценное время! Ты что, хочешь, чтобы моя дочь жила вот тут с твоими полуграмотными родственничками? Ты вообще в своем уме, парень?! Не бывать этому никогда! – при этих последних словах она резко отвернулась и пошла прочь от Василия.

– Но позвольте, милостивая Валентина Сергеевна, – оставаясь стоять на коленях, пытался возразить ей парень. – Вы меня не дослушали, я вам обещаю создать все условия для Александры... Ну не уходите же... Поверьте мне! – тщетно продолжал умолять юноша вслед удаляющейся Юдиной. Жена полковника Юдина, конечно же, слышала его слова, но была непреклонна и своих решений обычно не меняла. Этот визит еще больше ее разозлил и настроил против Василия. Зачем она туда пошла, на что она рассчитывала?

Разве могут найти взаимопонимание благородные образованные люди с невежественными слоями общества?!

Раскрасневшись от быстрой ходьбы по жаре и от внутренней ярости, не покидавшей ее, Валентина Сергеевна примчалась в гостиницу и уже с порога их номера закричала на дочерей:

– Вы собрали свои чемоданы, как я вам наказала, вы готовы?! Мы сегодня же уезжаем! Нас ждет английский генерал на линкоре «Император Индии»!

Посмотрев внимательно на свою мать и поняв, что ее любимый так и не смог ту переубедить, всегда тихая и послушная Александра, ни в чем и никогда не противоречащая своим родителем, подошла к матери и, посмотрев ей в глаза, еще раз решительно заявила:

– Я никуда не поеду, я остаюсь здесь с Василием! Хочешь, можешь позвать английский конвой – пусть меня силой тащат на линкор! Мне ничего не страшно!

– Ты сумасшедшая! Ты не понимаешь, что ты делаешь!! Ты здесь погибнешь! Он не сможет тебе дать ни-че-го, понимаешь?! – матери даже в какой-то момент хотелось залепить дочери звонкую пощечину, но не от ее непослушания, а так, чтобы та, наконец, отрезвела на минутку и посмотрела на всю эту ситуацию уже другими глазами.

– Мама, он способен мне дать намного больше, чем материальное благополучие. Он меня любит по-настоящему, и я верю ему, что он сделает для меня все, что только будет в его силах. Я буду счастлива с ним, мама, пожалуйста, поймите меня и простите меня, разрешите мне остаться с ним здесь! – целуя ее руки, умоляла на коленях свою мать старшая дочь.

– Доченька моя! Тырываешь мне сердце! И отец не одобрил бы твой выбор! Когда он об этом узнает, то сильно рассердится на меня, что я допустила все это! Встань уже с колен, Александра, хватит! – Юдина очень любила своих дочерей и страдала, когда ей приходилось вот резко и категорично с ними разговаривать.

– Ты ставишь меня перед таким выбором, что я просто не знаю, что мне делать!!! – она на несколько минут замолчала и, сменив гнев на милость, продолжила рассуждать.

– Предположим, что ты будешь по-женски с ним счастлива, но что будет, если советская власть закроет границы, и ты не сможешь к нам приехать?! Ты как без нас будешь жить, а мы без тебя?! Нет, нет, я даже думать об этом отказываюсь!

– Что вы, мама, да это вряд ли произойдет! Почему они должны это сделать? Мы с Василием обязательно приедем к вам во Францию, может, я даже смогу его уговорить остаться там навсегда!

– Тогда почему ему сейчас с нами не уехать?! – Юдина была готова пойти даже на это.

– Сейчас это нереально. Я уже пыталась его уговорить, но знаешь, его аргументы правильны: на Лазурном берегу сейчас много богатых и знатных эмигрантов из России, и Василий будет чувствовать себя среди них, мягко говоря, неуютно. Он правильно решил, что не может и никогда не будет нахлебником в нашей семье! Вот когда он выучится, станет кем-нибудь, заработает немного денег, тогда можно и приезжать к вам в гости!

Валентина Сергеевна с восхищением смотрела на свою дочь, в то время как та так четко, по-взрослому, излагала свои решения и мысли.

«Боже мой! Когда она успела так повзрослеть, я даже этого и не заметила! А может, просто мы с отцом с ней по-настоящему и не разговаривали? Все принимали ее за маленькую, послушную нам во всем, девочку? Боже, что мне делать?! Мне кажется, мое сердце просто перестает биться, при мысли, что мне придется расстаться с моей любимой доченькой!»

В это время с улицы раздались звуки оркестра и все три женщины подошли к окну своего гостиничного номера, из которого было хорошо видно все, что в тот момент происходило в центре города. В Батум вошли грузинские войска во главе с генералами Квинитидзе, Гедвановым и Захариадзе. Именно им, грузинским меньшевикам, передавали бразды правления английские войска. Местное население очень радовалось этому событию и забрасывало своих генералов цветами. Ровно в семь вечера перед штаб-квартирой британского командования был устроен прощальный парад. Английский большой оркестр сыграл английский гимн, и медленно спустили английское знамя. Затем сыграли «Марсельезу» и стали спускать французский флаг. Потом прогремел салют из двадцати одного орудийных залпов с британских линкоров. И только после всего этого оркестр народногвардейского конного полка сыграл грузинский гимн и взвился грузинский штандарт. Присутствующий при этом действии народ стал дико и восторженно аплодировать.

– Боже, чему они так радуются! Глупцы! Ведь грузинам одним без поддержки союзников не справиться с большевиками! Они же раздавят их как неоперившихся цыплят! – Юдина отошла от окна и надвинула на него тюлевую штору.

– Почему, мама, вы такая пессимистка? А разве Белая гвардия не придет им на помощь? А что, генерал Деникин, он побеждает? – взволнованно спрашивали девочки.

– Да уж, побеждает... Не хотела вас, девочки, расстраивать, но, увы, дела у армии Деникина не очень хорошие. Боюсь, что они уже проиграли эту войну!

– Да нет, не может этого быть! Мы ведь тоже читаем газеты с Ксенией, там ничего такого не писали, а наоборот даже! Всегда говорилось о больших военных успехах белой гвардии. А как же папенька, а что с ним-то будет?! – на грани нервного срыва спрашивала Александра. Если отец в опасности и надо поддержать, уехав насовсем во Францию, то она была готова пожертвовать своей любовью и сделать это!

– С папенькой все хорошо, не волнуйтесь, мои хорошие! – тут бы Юдиной схитрить и обмануть Сашу, сказав, что отец, мол, приказывает им немедленно выехать в Европу, что он тоже туда и сам выдвигается. Тогда бы старшая дочь наверняка передумала оставаться в этом грузинском городишке. Но Валентина Сергеевна или не додумалась до этого, или хотела намеренно оставаться честной перед своей дочерью, чтобы потом не быть обвиненной в том, что помешала ее личному счастью.

– Не стану от вас больше скрывать правды, дорогие мои, у армии Деникина большие потери, и они вынуждены отступать в Крым. Впрочем, помните, отец этого и не исключал с самого начала. Так что, мы скоро все увидимся в Ницце, – почти радостно заключила она.

Обхватив руками головы своих дочерей, Юдина крепко прижимала их к своей материнской груди, как бы говоря им: «Помните, мы же с вами единое целое. Плоть от плоти, так сказать! Куда же вы без меня, роднулечки мои!»

Может и бывала Валентина Сергеевна иногда слишком строгой и бескомпромиссной со своими дочерьми, но поступала так лишь на благо им, очень переживая и боясь за них! И особенно сейчас, когда она оказалась одна, без мужа в незнакомом ей городе, этот страх почти застилал ее разум.

Устремив свой грустный взгляд куда-то далеко в будущее, с несвойственной ей покорностью Юдина решила уступить старшей дочери. Пусть остается, лишь бы была счастлива! К тому же, это ненадолго, не навсегда! Помыкаются немного тут и поймут, что им лучше приехать к ним в Ниццу.

– Хорошо, Сашенька! Я не стану тебе больше ничего ни приказывать, ни переубеждать тебя. Оставайся с ним! И будь счастлива! Только знай: нам во Франции без тебя будет очень плохо! Постарайся как можно быстрее приехать к нам, и сделай все, чтобы убедить своего мужа остаться там с нами навсегда! – только одному Богу было известно, чего стоило любящей матери согласиться на это. Оставить дочь одну в далеком грузинском городе, веряя ее судьбу бедному понтийскому греку. Она пошла на это, потому что материнская интуиция настойчиво подсказывала ей, что этот парень, все же, выйдет в люди и сможет сделать ее дочь по-настоящему счастливой. Вот такое ничем не подкрепленное убеждение вселилось тогда в ее душу.

– Но с одним условием! – сразу же уточнила Валентина Сергеевна.

– Мама, вы неисправимы! Без условий никак не можете! – смахивая слезы с лица и уже улыбаясь, заметила Александра.

– Ничего не поделаешь, я же должна быть уверена, что ты хорошо устроена в мое отсутствие. Я заплачу за этот гостиничный номер еще на два месяца вперед и оставляю тебе деньги на покупку небольшого дома, также часть наших драгоценностей оставляю тебе! Они же и твои тоже!

– Ну, мамочка, зачем все эти траты? – пыталась возразить дочь.

– Даже мне не возражай! А разве вы подумали, ты и твой возлюбленный, где вы будете жить? Или ты готова идти жить с ним в ту хибару, в которой он сейчас живет? Там даже умывальника в доме нет! В общем, так: сделай, как я тебе наказываю, Александра, ты поймаешь со временем, что я была права. Только когда приобретете новый дом, драгоценности положи в ячейку в банк, а если и банков к тому времени не будет, я слышала, что коммунисты против богатства и частной собственности, то спрячь хорошенько, лучше даже закопай во дворе где-нибудь. Пусть это будет небольшое наследство твоим будущим детям. – Юдина не могла ничего с собой поделать, почему-то она была почти уверена, что дочь не сможет приехать к ним во Францию. Наверное, потому что у нее не было никаких иллюзий по поводу новой власти в России.

– Хорошо, мамочка, я сделаю все, как вы скажите! Только умоляю вас: не переживайте за меня так сильно! Берегите себя, папу и Ксюшу! Когда папеньку увидите, поцелуйте его от меня крепко и скажите, чтобы не судил меня строго!

В этот же день вечером Александра с Василием провожала свою маму и сестру на морском причале, на котором стоял красавец английский линкор «Император Индии». Василий Савулиди еще раз уже быстро, почти скороговоркой заверял свою почти тещу, что все будет, как он ей обещал, что они в грехе жить не станут и что завтра же пойдут в мэрию и оформят их брак, а повенчаются уже в православном соборе в Ницце в присутствии всей их семьи.

Юдина-старшая одобрила все сказанное юношей и в знак их примирения три раза на прощание поцеловала его, еще раз наказав: «Береги ее, береги!»

Александра держалась до последнего. И только когда мама с Ксенией поднялись по трапу корабля, она дала волю своим чувствам и разрыдалась.

Ах, эта первая любовь! Что же она с нами делает! Мы кидаемся в это полное порогов, бурное плавание и даже представить себе не можем, куда оно нас вынесет, к какому берегу причалим: к берегу счастья и благополучия или к берегу разочарований и несбывшихся грез.

В свои семнадцать лет принять такое важное для себя решение – это не каждой юной барышне под силу, а особенно таким избалованным родителями и судьбой, изнеженным и неприспособленным к реальной жизни благородным девицам.

Старшая дочь курского помещика Александра Юдина не побоялась ничего и выбрала любовь. Ей далось довольно легко это решение, потому что юная красавица даже себе не представляла, что такое взрослая замужняя жизнь и сколько в ней может быть крутых поворотов и разочарований. Сашенька Юдина свято верила, что жизнь прекрасна и удивительна! И что под оберегающим крылом ее обожаемого Василия ей не нужно бояться жизненных проблем и невзгод.

Гражданская война. Южный фронт

Успешно захватив город Курск, Добровольческая армия под командованием генерала Антона Деникина, как и планировала ранее, решительно продвигалась к Москве. Всерьез опасаясь за безопасность столицы, большевики начали в конце сентября 1919 года формировать новые отряды коммунистов, которых сразу же отправляли на фронт. Армия красных по численности значительно превышала на тот момент армию белых. Но Добровольческая армия главнокомандующего Деникина не падала духом, решительно ввязавшись в бой за другой стратегически важный город – Орел.

18 ноября 1919 года началась Орловско-Кромская битва. После двух дней ожесточенных боев белым удалось захватить город. Эта победа открывала им прямую дорогу на Москву. Войска большевиков, понеся большие потери, уже решили постепенно ретироваться, как неожиданно для них, совершив роковую стратегическую ошибку, Белая гвардия решила разгромить их ударную группировку, не имея для этого никаких реальных военных сил. В течение упорных боев белой армии пришлось оставить Орел и Курск тоже, поспешно отступая на Дон, в надежде найти там серьезную поддержку со стороны местного казачества. Но и на этой территории армия Антона Деникина потерпела поражение и, превратившись в Добровольческий корпус из-за своей малочисленности, с непрерывными боями отступила в марте 1920 года к Новороссийску. Оттуда Добровольческий корпус со своим главнокомандующим генерал-лейтенантом Деникиным и его верным командиром генерал-лейтенантом Кутеповым погрузились на корабль и прибыли в Крым.

Битва под Орлом стала последним сражением для полковника Юдина. Бесстрашно сражаясь с врагом, он был тяжело ранен, но спасен. Под непрекращающийся свист артиллерийских залпов молоденькая медсестра Наталья Воронцова смогла оттащить полковника с поля боя, а затем, позвав подмогу, унести его, громко стонущего от полученных тяжелых ранений в их военно-полевой госпиталь. Там помещику Юдину сразу же сделали, как могли в непростых полевых условиях, сложную операцию. Закончив ее, стягивая со своих рук медицинские перчатки, пожилой, опытный хирург сухо заключил присутствующему в операционной медперсоналу, что, увы, полковник Юдин получил тяжелые ранения, несовместимые с жизнью, и в лучшем случае, да к тому же еще и при хорошем уходе (а где его взять-то здесь?), сможет прожить не более нескольких месяцев. После этих слов под белой повязкой медсестры Воронцовой тихо скатилась из глаз жгучая, одинокая слеза. Нет, тогда Наталья еще не была влюблена в Юдина, но ведь она спасла его и всем сердцем желала, чтобы он выжил!

После операции девушка слышала, как в бреду полковник звал не раз свою любимую Валушу, как тревожась, спрашивал ее, как там его обожаемые доченьки и уже под конец, прежде чем опять провалиться в глубокий сон, тихим обессиленным голосом обещал им, что очень скоро они все увидятся вновь!

«Бедный Александр Иванович! Бредит и зовет своих близких! Как жалко его, да и всех остальных тоже очень жалко, только вот помочь больше, чем уже сделано, увы, невозможно!» – медсестра Воронцова обходила койки с больными, кому кладя на голову холодный компресс, кому ставя градусник, а кому и вовсе закрывая глаза.

В переполненном ранеными госпитале Белой гвардии в воздухе стоял смрадный зной, вызванный еще и эпидемией тифа. Наталья очень волновалась за понравившегося ей полковника Юдина, как бы и он не заразился этой ужасной, смертельной болезнью, совсем забыв про себя, ведь и она не застрахована от этой напасти. К счастью, этого не произошло.

Вопреки прогнозам главного хирурга госпиталя, помещик Юдин стал довольно быстро поправляться и, немного окрепнув, пытался с помощью Натальи встать с кровати и делать

несколько шагов, но был еще очень слаб и вынужден был признаться, грустно пошутив, молоденькой медсестричке, спасшей его, что, наверное, ему еще рано приглашать ее на танец.

– Дайте мне, Наталья, еще недельку, и я вас закружу в вихре вальса! – воодушевленный своим выздоровлением, смело пообещал ей Александр Иванович.

Но через неделю армия Деникина уже отступала на Дон, естественно, везя за собой и свой военно-полевой госпиталь.

Во время боев с Красной армией на Кубани ими были взяты станицы Кагальницкая, Мечетинская, Зимовая, Белореченская и другие. Для облегчения военно-полевого госпиталя руководством армии было принято решение о размещении в частные дома в этих станицах всех раненых, уверенно идущих на выздоровление и способных уже самостоятельно вставать с кровати.

Юдин был одним из таких. Сердобольная сестричка Воронцова умоляла главного хирурга отправить ее ухаживать за полковником, напоминая врачу его собственные слова о том, что тому все равно не выжить. Она очень хотела быть с ним рядом и заботиться о нем, хотя бы в течение того короткого времени, что отпущено ему Богом. Но медперсонала катастрофически не хватало, и, конечно же, хирург в категорической форме отказал в этой просьбе девушке. Наталья оставалась по-прежнему ухаживать целыми днями за тяжелоранеными в госпитале, а вечером все же на пару часов сбегала в ту казачью хату, в которой разместили полковника Юдина.

Круглая сирота, крестьянская девушка Наташа Воронцова, поначалу испытывавшая к раненому и такому обаятельному помещику Юдину чисто дочерние чувства заботы и ласки, внезапно для себя поняла, что влюбилась в него, как кошка.

«Какая же я дуручка, влюбилась в женатого взрослого мужчину, да к тому же обреченного на скорую смерть!» – Воронцова разумом хорошо понимала всю абсурдность сложившейся ситуации. Но ничего не могла с собой поделать. Ее непреодолимо тянуло к этому мужчине и, к тому же, на какое-то мгновение ей показалось, что и у него к ней, кроме простой человеческой благодарности, есть и иные, более сильные чувства.

В свою очередь, полковник Юдин понимал, что дни его сочтены. Раны заживали очень медленно, кровоточили и боли практически не оставляли его ни на час.

«Господи, сколько мне осталось?? – вопрошал, молясь, сидя на кровати перед иконой, полковник. – Неделя, две, месяц? Так что же мне делать с этой прекрасной и чистой, как ангел, сошедший с небес, девушкой, спасшей меня и, как мне кажется, любящей меня? Имею ли я право перед лицом смерти принять ее любовь?»

Александр Иванович всю свою жизнь любил только одну женщину, свою жену Валентину Сергеевну, никогда ни на минуту не помышляя изменить ей с другой.

В каком бы месте он ни находился во время этой проклятой войны, перед каждым сражением и боем, который вполне вероятно мог стать его последним боем, он писал своей жене полные нежности и любви письма. И никогда ни словом, ни делом, не был способен огорчить или обидеть ее.

Но сейчас после тяжелого ранения Александру Ивановичу было так грустно и одиноко, в этой далекой от дома казачьей станице, в доме совсем чужих ему, хотя и заботящихся о нем, людей. Ему так не хватало присутствия дорогих ему людей, их участия и заботы, что он непрестанно благодарил Господа Бога за внезапное появление в конце его грешной земной жизни такого нежного и любящего его создания, как Наташенька Воронцова. Только одна мысль, что он уйдет в мир иной, так больше и не увидев своих обожаемых жену и дочерей, горячим пламенем обжигала его больную, растерзанную душу.

«Будь, что будет! Прости, Господи, меня, грешного, прости! И не суди меня строго! Пусть близость с Натальей станет для меня приятной предсмертной агонией, последним глубоким глотком полноценной мужской жизни».

Судьба подарила крестьянской девушке и курскому помещику два счастливых месяца.

Бедная девушка делала все, что было в ее силах, лишь бы только продлить дни ее любимого человека. Перевязывала ему раны, стараясь сократить кровопотерю, отпаивала его парным молоком, чтобы сил набрался как можно больше, узнала, где живет местная лекарша, сбегала к ней и принесла какие-то особые чудодейственные травы, и их отваром поила Юдина строго, как было наказано, каждые три часа. Бывали дни, когда казалось, что Александр Иванович почти выздоравливал, много шутил и улыбался, выглядел бодро, прохаживался взад и вперед без посторонней помощи по хате и даже на крыльцо выходил подышать приятным морозным воздухом, а заодно и побеседовать с хозяином дома о войне и о политике, но на следующий день ему внезапно опять становилось хуже, он уже не поднимался со своей кровати, слабость и боли возвращались к нему с новой силой.

– Наташенька, милый мой, дорогой дружок! – с придыханием, еле шевеля губами, говорил ей Юдин. – Видать, пришел мой час, умираю я! Спасибо тебе, Ташенька, за все, что ты для меня сделала! Ты скрасила своей любовью, неиссякающей добротой и вниманием мои последние дни. – Юдин из последних сил гладил ее шелковистые волосы.

– Нет, нет, я прошу вас, не уходите! Я этого не переживу! – Наталья металась у его кровати, не в силах больше ему помочь. – Боритесь, я умоляю вас, Александр Иванович!

– Все уже, милая, отборолся я и в жизни, и на поле боя! Только напоследок об одном тебя прошу – поскорее забудь про меня, тебе всего-то двадцать лет отроду, и у тебя вся жизнь впереди. Надеюсь, что, все же, наши скоро выиграют эту войну и ты найдешь свое счастье.

– Что вы такое говорите, Александр Иванович, мне, кроме вас, никто не нужен, – девушка вдруг увидела, как лицо Юдина нехорошо застыло. – Нет, я не хочу, я не могу вас потерять! – бедняжка слегка потрясла полковника за плечи, в надежде вернуть его в этот мир, а потом, положив свою голову на его грудь, целовала ее, обливая своими девичьими слезами.

Александра Ивановича Юдина не стало тихим, зимним кубанским утром. Об этом сразу же доложили в штаб генерала Деникина, и Антон Иванович, уже зная, что вот-вот они будут отходить к Новороссийску, а оттуда поплывут в Крым, приказал своим офицерам сделать все возможное и невозможное, чтобы доставить гроб с телом полковника его родным в Ниццу. Его приказ был безукоризненно выполнен.

Совсем недавно приобрета и так же скоро потеряв любимого мужчину, к своей радости, а, может, и к своему стыду, Наталья Воронцова обнаружила, что беременна.

«Что же мне делать? Война же идет, беспощадная война! Как же мне с ребеночком одной-то?! Не выношу я его! Если все же я хочу, чтобы он родился, то мне надо бежать отсюда и как можно быстрее!»

Девушка набралась храбрости и направилась в штаб генерала Деникина. Став перед ним на колени и рассказав про свою беременность, она слезно просила его позволить ей сопровождать гроб любимого мужчины до Ниццы. Генерал жалостливо посмотрел в ее полные горя и отчаяния глаза и отдал соответствующий приказ.

«Лихая девица! Ее же Валентина Сергеевна в порошок сотрет, узнав, что та согрешила с ее мужем! Жаль девку, но она сама напросилась, пусть себе едет!»

В течение всего этого печального путешествия медсестра Воронцова много раз себе в малейших деталях представляла сцену, как она стоит перед помещицей Юдиной и, стыдливо склонив голову, рассказывает ей всю правду о них с Александром Ивановичем. Она даже как-будто слышала, как Юдина начинает на нее кричать и обзывать ее непристойными словами, выгоняя вон из дома. Наталья и к этому была морально готова. Но это все равно лучше, чем

оставаться в охваченной гражданской войной России. Медсестры везде нужны, она найдет себе работу и в Ницце, даст Бог, с голоду не помрет и благополучно родит своего ребеночка.

Любой женщине на свете, а не только такой даме строгих правил как помещица Юдина, было бы неприятно слышать от какой-то там девицы, что та ждет ребенка от ее умершего мужа. Первой внутренней реакцией Валентины Сергеевны было жуткая обида на ушедшего супруга и ненависть к этой крестьянской девке, которая посмела сблизиться с ее обожаемым Сашей. Но она быстро справилась с нахлынувшим на нее благородным чувством несправедливости, проявленным по отношению к ней. По-житейски мудрой Валентине Сергеевне было достаточно одного лишь взгляда, чтобы сразу понять, что стоящая перед ней с понурой головой девица, к тому же храбро вынесшая ее мужа с поля боя, вовсе не развратная девка. Ее Саша не изменил ей, это нельзя было назвать в полном смысле слова супружеской изменой. Он просто воспользовался последней в своей жизни радостью, так щедро предоставленной ему перед смертью. Валентина Сергеевна даже ни на минуту не ломала себе голову простить ей своего обожаемого мужа или нет. Она уже приняла для себя решение, которое тут же твердым, как обычно, голосом озвучила перед своей дочерью Ксенией и перед этой бедной девушкой.

– Наталья, ты отныне становишься полноправным членом нашей семьи, ребенка твоего узаконим, и он будет носить фамилию моего мужа. Добро пожаловать в семью, деточка! – и она три раза расцеловала неожиданную гостью.

Закончилась гражданская война. Аджария вошла в состав Грузинской Советской Социалистической Республики. Страна входила в период НЭПа.

Молодые супруги Савулиды были очень счастливы. Александра очень любила своего мужа, но, несмотря на это, все же отстояла свое право не менять девичью фамилию и по-прежнему оставалась Юдиной. Поначалу Василий на нее злился и обижался. Но позже на досуге поразмышляв, понял, как для его жены, оставшейся совсем одной, без своих близких, важно было сохранить что-то свое, личное. Конечно, Василию перед своими здешними греческими родственниками было немного стыдно, что жена не носила его фамилию, да и что дом тоже был куплен на ее деньги, вернее даже на деньги его тещи. Это сильно било по его мужскому самолюбию, но он и здесь повел себя мудро и благородно.

А сам себе строго наказывал:

«Я должен, просто обязан в короткое время выучиться и стать на ноги! Чтобы моей жене никогда не было стыдно за меня, и она никогда ни в чем бы не нуждалась!»

Дом же они выбрали себе просторный и красивый по удивительно низкой цене. Найти в тот исторический период подходящее жилье в Батуме было несложно: многие местные аристократы и зажиточные аджарско-грузинские семьи, испытывая страх перед новой властью, побросали свои жилища, бежав за границу. По этой причине домов на продажу было выставлено множество. Но по ходу выбора дома у Александры и Василия возникли некоторые разногласия, чуть не приведшие к большой ссоре. Мнения молодоженов не сходились по поводу названия улицы.

– Смотри, Сашенька, какой красивый и в то же время скромный дом продается на улице Пролетариев. И адрес подходящий, так сказать, соответствующий современному моменту. – Василий уже чувствовал себя настоящим коммунистом и хотел окружить себя всем тем, что связывало его с этой идеологией.

– Ты, Василий, говоришь словами этих красных комиссаров, зазывающих народ в их коммунистическую партию!

– А что в этом плохого?! Вся власть рабочим и крестьянам! И всем по справедливости!

– Угу... Нет, Василий, ты знаешь мое отношение к большевикам, поэтому даже не проси меня жить на улице под таким названием, – категорично заявила жена.

«Ох, уж эта мне голубая кровь! Правильно дядька мне перед женитьбой говорил, наму-чаешься ты еще с ней! Все равно это мелочи жизни, мне не следует забывать, что Александра ради меня отказалась от благополучной и богатой жизни! Пока что я ей всем обязан, а не она мне! А будущее покажет!»

И, поцеловав свою драгоценную, с присущим ему юмором, спросил:

– А ты, любовь моя, на какой улице будешь себя лучше чувствовать? Под названием типа «император Николай» или «имени наследника Алексея»?

– Да ну тебя, брось ты свои шутки, Василий! Нет таких улиц в городе, и ты это прекрасно знаешь! Вот, например, подходящие названия, и там тоже продаются дома: улицы Шереметьева или Суворова.

– Нет, нет и еще раз нет! Эти граждане были тоже из благородных, а я не хочу, чтобы нас что-то связывало со старым режимом. И вообще, я считаю, что все эти улицы надо переименовать! – не уступал супруг.

– Какой ты, Васечка, все же, неуступчивый! – любя, упрекала его жена. – Я знала, что ты не согласишься, и поэтому у меня на этот случай имеется еще один запасной вариант: купим дом на улице Московской.

– Ладно, давай на Московской, пойдем уже скорей смотреть дом! – безнадежно махнув рукой, уступил жене Василий, даже не предполагая тогда, какую роковую роль сыграет это название в судьбе их дочери Маргариты.

Василий, как и планировал с самого начала, поступил в инженерное училище, а вечерами и, порой, даже ночами подрабатывал на местном консервном заводе простым рабочим, зарабатывая на пропитание своей семьи. Но взяли его на работу не на полную ставку, ведь он был студентом, и поэтому платили ему мало, в общем, со стипендией отличника, все равно выходило меньше той суммы, которую домой приносила его жена Александра, преподававшая в местной женской гимназии на две ставки иностранные языки. Она еще много лет потом будет вспоминать с умилением тот первый день ее заплаты и его насупившееся, напряженное лицо, после того как он пересчитал принесенные ею домой денежные купюры. Он уже было хотел быстренько выйти из большой комнаты и пойти в ту, где он обычно занимался, чтобы, не дай Бог, не показать своей жене всю свою злость на самого себя за неспособность достойно зарабатывать, но жена остановила его нежным жестом, уверенно сказав:

– Василий, дорогой, не стоит так сильно расстраиваться по этому поводу! Вот увидишь, очень скоро ты будешь зарабатывать намного больше меня и станешь известным человеком в городе!

– Да откуда у тебя такая уверенность?! Типа «кто был никем, тот станет всем», так что ли?! – раздраженно сказал он.

– Да, получается так, согласно этому вашему коммунистическому лозунгу и еще по тому, что я верю в тебя, ведь ты очень умный и способный по природе своей человек. Я никогда бы не полюбила неудачника и слюнтяя! Ты добьешься многого!

В таких искренних словах поддержки он очень нуждался в тот далекий период своего становления. Спустя годы, Савулиди будет вспоминать с благодарностью слова его жены, которая не позволила себе в самые трудные минуты их супружеской жизни разочароваться в нем!

А у самой Александры Юдиной и не дня не проходило, чтобы она не думала и не тосковала по своим родным, волею судьбы разлученным с нею. Однажды с большой задержкой она получило письмо от своей матери из Ниццы.

«Дорогая моя доченька Сашенька!

С большим прискорбием и душевной болью должна сообщить тебе печальную новость.

Ваш горячо любимый с Ксенией папенька, полковник Александр Иванович Юдин, был тяжело ранен в бою и умер от полученных ран в одном из казачьих хуторов.

Его останки, благодаря хлопотам Антона Ивановича Деникина, удалось довести до Ниццы, и мы похоронили его с военными почестями на местном кладбище.

Отец ваш настолько всех нас любил и желал нам благополучия и счастья, что даже в самый трагический и печальный момент своей жизни, когда он уже знал, что не выживет, написал свое прощальное письмо, но поручил доставить его только тогда, когда мы доберемся до Франции. Насколько он опасался, что мы без него не захотим уезжать из России.

Горе наше огромно! Ни дня не проходит, чтобы я не думала и не вспоминала о моем любимом супруге. Как мне его не хватает!

Доченька моя, я понимаю, что это и для тебя тяжелый удар судьбы, но ты держись! Ты же у нас сильная!

И вообще, когда вы к нам собираетесь приехать? Мы очень вас ждем с Ксюшей! Как было бы прекрасно, если бы мы жили все вместе здесь, в Ницце, большой и дружной семьей!

Я еще вот что хочу тебе сказать, милая: вы с сестрой должны благодарить Бога, что у вас был такой мудрый и заботливый отец, который предвидел заранее отрицательный исход гражданской войны и поместил часть своих капиталов за рубежом в иностранные банки. Этих денег, если правильно ими распорядиться, хватит и на моих внуков.

А ведь тебе, наверное, неизвестно, Сашенька, как бедствуют большинство русских эмигрантов здесь, во Франции? Им, имевшим многое в России, в прямом смысле слова порой нечего есть! Они вынуждены браться за самую унижительную работу! Например, некоторые русские офицеры и даже дворяне работают таксистами в Париже! Понимаешь, какой для них это позор! А что делать? Семьи же кормить надо! Вот мы с Ксенией решили создать благотворительный фонд имени полковника Александра Юдина, привлекая в него и местный капитал, помогать нашим соотечественникам! Кстати о них: один из князей Трубецких, мне кажется, неровно дышит к твоей младшей сестре. Стал за ней ухаживать. Вроде и Ксени он приглянулся. Посмотрим, будущее покажет!

Но это еще не все новости, доченька: к нашему большому удивлению сопровождала тело вашего отца из Крыма одна совсем молоденькая девушка, к тому же, как оказалось, она находится в интересном положении.

Только прошу тебя не судить никого строго! Это ребенок твоего отца!

Девушку зовут Наталья Воронцова, она именно та сестра милосердия, которая на своих худеньких плечиках оттащила его с поля боя и организовала доставку его, тяжелораненого, до войсковой медсанчасти. Знаешь, как бывает на войне: я бы даже не назвала это супружеской изменой в полном понимании этого слова.

Наверное, произошла, увы, последняя в его жизни вспышка страсти и жажды полноты жизни перед тем, как уйти из нее навсегда! И девочку эту я ни в чем не смею обвинять, ведь без ее помощи он так бы и остался умирать от смертельных ран на поле боя. К тому же, меня вовсе не удивляет, что она не смогла устоять перед мужским обаянием вашего

отца, то же самое и со мной случилось много лет назад. Для Натальи близость с мужчиной была в первый раз. Вот она сразу и забеременела.

Без сомнения, если бы у вашего отца была любовница на протяжении многих лет, мне было бы очень тяжело об этом узнать и простить его, но в данном случае все произошло по-другому.

Так что мы должны не осуждать эту девушку, а быть ей бесконечно благодарны за попытку спасения его жизни. Наш долг – принять ее в нашу семью и дать новорожденному нашу фамилию (интересно, кто родится: девочка или мальчик; если будет мальчик, то назовем его Александром).

Теперь, пожалуйста, все наши печальные и, в то же время, радостные новости (я имею в виду малыша, конечно)!

Сашенька, а как у тебя складывается супружеская жизнь, ты работаешь или уже ждешь ребеночка? А как Василий – учится? Не обижает тебя, моя любимая? Если вам нужны деньги, ты не стесняйся, напиши, и мы постараемся тебе их выслать.

*Пожалуйста, пиши нам почаще! Мы очень с Ксюшей по тебе скучаем!
Крепко целуем тебя, родная моя девочка!*

Мама и Ксения».

Печальная новость о гибели отца застала Александру врасплох! Она несколько раз прерывала свое чтение, не в силах сдерживать рыдания, потом снова буквально впивалась в каждую написанную матерью строчку. Наконец прочитав его до конца, она аккуратно положила письмо обратно в конверт и, опустив руки себе на колени, просидела так неподвижно, как ей показалось, несколько бесконечных минут. Как же так случилось, что ее обожаемого отца больше нет! Александра не могла и не хотела в это поверить. Ведь ей всегда казалось, что они еще долго будут вместе!

«И потом, он же мне обещал, клятвенно обещал, что вернется живой и невредимый и что все мы воссоединимся во Франции! – тихим нервным шепотом говорила сама с собой Саша.

– Папа, папочка, я даже не смогла с тобой попрощаться!»

Александра так и оставалась сидеть за секретером, на котором лежал открытый заграничный конверт, из коего виднелась пара белых страниц, исписанных правильным, красивым материнским почерком.

Перед глазами ее стояла их последняя встреча у порога их дома под Курском. Как он перед расставанием шутил с ними, улыбался и вселял полную надежду, что война и революция – все это явление временное, что все скоро и хорошо закончится, а их любовь друг к другу вечна и поэтому ничего плохого с ними произойти не может! Отец был ее жизненной опорой и поддержкой, тем человеком, с которым можно было говорить на любые темы, не стесняясь. Он всегда был так внимателен к ней, всегда старался понять ее и не расстраивать по пустякам. Даже когда он и подыскал Александре подходящего, по его мнению, жениха, она была более чем уверена, что если бы категорично отказалась от этого брака, отец не стал бы настаивать и ломать ее жизнь. А вот мать... Мать всегда была более строга и требовательна к ней. Только теперь Александра поняла, что всю жизнь любила больше отца. Увы, теперь его больше нет и ей незачем ехать во Францию. Хотя она тоже скучала по матери и сестре, но это можно было и пережить. А вот потерю отца – очень сложно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.